

Анатолий Гусев

Золото императора династии Цзинь

16+

Анатолий Гусев

**Золото императора
династии Цзинь**

«Автор»

2014

Гусев А. А.

Золото императора династии Цзинь / А. А. Гусев — «Автор»,
2014

ISBN 978-5-532-09701-8

В 1915 году профессору Восточного университета во Владивостоке попадает в руки старинная рукопись, датируемая 13 веком. В ней говорится, что капитан китайского императора по имени Лю Жуншу совершил путешествие на север за золотом. Обстоятельства вынудили его оставить золото, моржовую и мамонтовую кость на среднем течении реки Уссури. Сын профессора, Евгений Ракитенко, молодой большевик, решает со своими однопартийцами, в союзе с эсерами найти золото, обратить его в деньги и переправить в Швейцарию для организации революции в России. Им удаётся найти золото. Но за ними начали охоту бандиты всех мастей, как русские, так и китайские.

ISBN 978-5-532-09701-8

© Гусев А. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Рукопись	5
Рукопись Лю Жуншу	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анатолий Гусев

Золото императора династии Цзинь

Рукопись

Шёлк был явно современный, а вот иероглифы на нём древние. Профессор Сергей Евгеньевич Ракитенко даже не сомневался. Кореец, который продал ему этот свиток так и говорил, что за то время, когда была написана эта рукопись, не один шёлк бы не сохранился, но в его семье, он каждые сто лет аккуратно и тщательно переписывался, копировался каждый иероглиф. И, если бы не крайняя нужда, он, кореец, никогда бы не продал семейную реликвию. Может быть, врёт, а может быть, и нет. Кто мешал ему понаделать таких рукописей штук десять или больше, для продажи наивным русским профессорам? Но это не исключает того, что оригинал рукописи, с которой списали этот свиток, был подлинником.

Судя по начертаниям иероглифов, это конец двенадцатого, начало тринадцатого века. Получается, что эти знаки ровесники Чингисхана. Тогда на севере Китая шла война. Теперь начало двадцатого века, 1915 год, май месяц, и на западных рубежах России, далеко от Владивостока тоже идёт война. Ровно семьсот лет назад, в мае 1215 года, в год кабана, монголы взяли штурмом китайскую столицу Чжунду и сожгли её дотла. Что стало с автором этого манускрипта? И как эта рукопись оказалась семейной реликвией корейца, если, конечно он говорит правду.

Сама рукопись представляла собой кусок шёлковой материи с прикреплёнными на концах скалками, покрытые лаком. Материя перематывалась с одной скалки на другую. Складывалось впечатление, что первоначально иероглифы были нарисованы на деревянных или бамбуковых пластинах и уже потом перенесённых на шёлк. Это было видно по характеру расположения надписей. Удивительно, как она похожа на древнеримские манускрипты. Только вместо пергамента – шёлк. С другой стороны предметы одинакового назначения могут быть схожи. Например – лук. У всех народов это оружие имеет схожесть, но по устройству, по материалам, пошедшим на его изготовление, отличается. Монгольский сложносоставной, изготовленный из рога и дерева, бьющий на семьсот шагов, и, к примеру, английский двухметровый ясеневый лук, бьющий шагов на триста – небо и земля!

Текст рукописи состоял из двух не равных частей. Первая, меньшая, заканчивалась рисунком, что-то вроде карты или схемы и отделялась от второй небольшим пространством.

Сергей Евгеньевич взял лупу и стал разглядывать рисунок. Без сомнения, это была карта. Причём карта какой-то реки. Даже двух рек, где одна, поменьше, впадает в другую, более крупную. И от меньшей реки нарисован отросток, это другая река, ещё меньше, а на правом берегу её нарисован кружочек. Что это? Неужели клад? Сергей Евгеньевич заволновался как мальчишка. И это он пятидесятилетний уважаемый житель Владивостока, профессор Восточного института, заведующий кафедрой китайского языка, историк, этнограф и антрополог, преподаватель. Кроме китайского языка, он преподавал, ещё и корейский и японский язык! От волнения у него даже вспотели ладони рук. Надо скорее перевести, что же здесь написано?

И он взялся за работу. Старинные иероглифы не всегда совпадали с современными, Сергею Евгеньевичу пришлось попотеть над ними. Но задача, в конце концов, решилась. Он перевёл текст до рисунка карты. Сергей Евгеньевич вздохнул, распрямился над столом, потянулся, поправил очки на носу и стал читать получившийся перевод.

После положенных приветствий, он прочитал следующие:

«Я, кормчий Вашего Императорского Величества, недостойный Лю Жуншу, отправившийся по Вашему повелению в Северные земли на золотые рудники, в год собаки, за добываемым там золотом, докладываю о результатах моего путешествия.

Два судна под моим началом благополучно преодолели десять тысяч ли и достигли золотого рудника. Доставили продовольствие и смену рабочих и стражников. Но затем мы подверглись нападению неведомого народа, который местные варвары называют чаучу. Нападение было отбито, но погрузка золота и отплытие было задержано на несколько дней. Золото было три дань, двадцать четыре цзинь и четыре лян веса ¹, а, так же были погружены пять тюков с пушиной и большие двух дань клыков морского зверя и бивней северного слона. После прохождения безымянных северных островов мы попали в жестокий шторм. Шторм разбросал наши суда. Судьба второго судна мне неизвестна. Моё же судно получило пробоину, и нам пришлось зайти для ремонта в Большую реку. После чего, мы вынуждены были признать, что выходить в открытое море с такими повреждениями, даже после их устранения, опасно. Шторм судно не выдержит. А шторма в Восточном море осенью явление обычное. Можно потерять драгоценный груз, доверенный нам, Вашим Величеством. Было принято решение двигаться рекой. На реке мы потеряли судно. Команда во главе с рулевым нас покинула за день до крушения судна. После многих злоключений, мы добрались до Срединной столицы. Золото надёжно спрятано в пещере у маленькой речки. Писано на юйшуй года красной свиньи ²».

Дальше шло подробное описание, где оставлено золото и приметы, как его найти.

Сергей Евгеньевич был в восторге. Такие исторические подробности, полные драматизма, как для кормчего, так и для императора. Да, тогда у Китайской империи Цзинь были не простые времена! Три года шла война с Чингисханом, китайский император остро нуждался в средствах. В любых! В денежных, военных и прочее. Цзинь в переводе значить золото. «Золото» нуждалось в золоте! Интересно, удалось забрать золото, или оно так и осталось на неизвестной реке? Всё-таки шла война. Профессор заглянул в начало и конец большого отрывка рукописи. Оказалось, что рукописи только выражается надежда, что золото будет доставлена по назначению, а сам автор, во время написания её, был в опале и в заточении, о чём он пишет в самом начале второго отрывка. Дальнейшая судьба автора и золота неизвестна. Получается, что император не вошёл в положение кормчего, разгневался. Это понятно: ждал золото, а получил отписку. Тут разозлишься! Хотя война всё равно была бы проиграна. С золотом или без золота, но с монголами китайцы бы не справились. Раздробленность и слишком много врагов окружали империю Цзинь. Да и предательство со счетов не скинешь! Но, наверное, вовремя доставленное золото, помогло бы собрать армию и на какое-то время задержать кочевников или подкупить соседей, чтобы они не выступали против империи или тех же чиновников, чтоб не предавали, или самих монголов – кинули бы им золото, как собаке кость и те бы на какое-то время отстали бы. Впрочем, империя Цзинь в любом случае была обречена: золото только бы отодвинула кончину. Нопогибающий, всегда на что-то надеяться, и хватается за соломинку и обвиняет в своих неудачах всех, кроме себя.

Где, интересно, этот секретный прииск, и где этот кормчий, как его? Лю Жуншу! Оставил золото, на какой реке?

¹ 162 кг.200 гр.

² 18–20 февраля 1215 года.

Профессор открыл карту. Вот он вышел от сюда, прошёл мимо Корейского полуострова, повернул на север. Может быть они где-нибудь здесь, в районе Владивостока брали воду. Единственные крупные острова на севере, это Шантарские. Есть, правда, по дороге множество мелких островков, но, видимо, Лю Жуншу писал именно о Шантарских островах, они самые крупные в том районе, если, конечно, не считать Японских. Как же далеко они забрались на север! Шторм застал их южнее этих островов, тогда получается, что Большая река это Амур. А впадает в неё Уссури. И золото спрятано где-то около притока Уссури. Конечно, находка этого золотого клада науке ничего не даст, но подлинность событий в данной рукописи подтвердит.

А что скрывает в себе вторая часть рукописи? Сергей Евгеньевич чуть ли не дрожал от нетерпения. Он походил по кабинету, успокоился и сел переводить вторую часть рукописи. Это заняло несколько дней.

Рукопись Лю Жуншу

I

Чтобы не случилось – солнце взойдёт всегда!

«Благородный встречает гнев и милость высших с равным достоинством» – как сказал великий учитель Кун.³

Верю, что все несчастья, какие обрушились на меня рано или поздно кончатся и гнев нашего достопочтимого императора, как я считаю, не совсем заслуженный, тоже пройдёт и растает как снег под лучами весеннего солнца.

«Благородный с достоинством ожидает велений Неба».⁴

Пока же, находясь в заточении, я решил описать те события, что случились со мной за этот год, год собаки. Благо, дощечками для письма, тушью и кисточками меня не ограничивают.

В самом начале года собаки, в один из ясных дней цинмина⁵, из устья реки Бай по повелению императора на север отправились две джонки. На каждой джонке было по восемнадцать членов команды, по одному рулевому и по одному капитану. Одним из капитанов и главой всего этого плавания, был я Лю Жуншу. Это было моё четвёртое путешествие на Север, что очень и очень настораживало, число четыре не самое счастливое, по звучанию похоже на слово «смерть». Может быть, именно это и привило в дальнейшем к череде несчастий и бед? И у второго капитана Юй Сугэ тоже было четвёртое путешествие. И мы подумали, что четыре и четыре это будет восемь, а восемь созвучно слову «благополучие».

И сначала всё шло хорошо, даже очень хорошо!

Ещё со времён моих достопочтимых предков, императоров династии Хань, устремлялись в плаванье корабли подобные моим. Но устремлялись они всегда на юг. Доходили они до тех мест на юге, где солнце встаёт строго на востоке и, прокатываясь над головой, заходит строго на западе. Где стоит душающая влажная жара. Но никогда, до последнего времени, они не уходили так далеко на север, на десять тысяч ли⁶. По справедливости, надо заметить, что какие-то смутные воспоминания о путешествиях на север сохранились. Но путешествия эти были очень трудные и всегда рискованные и большую выгоду не сулили, а климат был суровый, холодный. И об этих древних странствиях благополучно забыли.

Но к власти пришла чжурчжэньская династия Цзинь. Она происходила с севера. И чжурчжэни слышали, что ещё севернее их родины с гор текут реки, где можно найти золотые самородки. И живут там родственные им племена.

Государство всегда нуждается в золоте!

³ Конфуций.

⁴ Конфуций.

⁵ Начало апреля.

⁶ Примерно пять тысяч километров.

И лет тридцать назад, тогдашний император повелел отыскать те золотonosные реки. Одна река была найдена, в ней было добыто золото, и это золото повезли в Северную столицу. Но по дороге, золотодобытчики были ограблены и убиты северными кочевыми варварами. До Северной столицы добрался еле живой только один человек с маленьким самородком.

Тогда император, здраво рассудив, что на море кораблям из Поднебесной ничто не угрожает, кроме непогоды, повелел снарядить морскую экспедицию на Север, с целью поиска золотonosных рек. И через несколько лет, после неудачных попыток, такая река была найдена. В почти безлюдных местах. Мало того, чуть вверх по реке, была обнаружена золотая жила, уходящая в толщу скалы.

Там была выстроена крепость и образованно поселение. Живут там и добывают золото рабы, в основном подданные Поднебесной, которые попали в рабство за долги. Раб, проживший и проработавший год в тех краях и сумевший выжить, освобождается от рабства.

Охраняют их и крепость, воины, набранные из северных кочевников, в основном из татар, меркитов и керейтов. Эти народы не любят друг друга. На своей родине, в северных степях, они постоянно враждовали. Кроме того, они говорят на разных языках. То есть договориться между собой, что бы завладеть золотом, им будет трудно. Так, по крайней мере, считали в империи. Понятно, что они охраняли. Не понятно было от кого. Население там было редким и крайне миролюбивым, занималось охотой и разведением оленей. Золото его не интересовало.

Ежегодно, туда снаряжаются два судна, которые везут смену из рабов и их стражников, а так же продовольствие на год, в основном рис, лук, чеснок и чай. Местным охотникам очень понравился чай, и они с удовольствием меняли его на мясо и пушнину. Охране не запрещалось брать собственный товар для обмена с местным населением. Стражники, приезжая туда нищими, возвращались богатыми, тем более что меркиты и сами умели охотиться на пушных зверей.

Для обмена с местным населением привозили на Север кроме чая и железные изделия: ножи, топоры, пилы, иголки и прочее, а, так же различную материю. Назад везли не только золото, но и пушнину, которое тоже поступало в императорскую казну.

Год назад, воспользовавшись неурядицами в Поднебесной, грязный кочевник, мерзкий пастух скота, пьющий молоко – Чингисхан, сумел разбить наше войско и потребовал у императора неслыханную по дерзости дань. Он потребовал императорскую дочь себе в жёны, пятьсот юношей и девушек, золото, драгоценных шёлковых тканей и лошадей. Император согласился. Казна опустела. Настало беспокойное время. Облавные отряды грабителей – монголов опустошали страну севернее Жёлтой реки. Нужны были воины, а войнам нужно платить и платить золотом.

Наш император Удабу, всего второй год сидел на троне, но он знал, что золото, это кровь государства. И государство не может существовать без него. Тем более в такое смутное время.

Император потребовал ежегодную поездку на север за золотом совершить раньше, простоять там как можно дольше и привести золото как можно больше. А так же взять для обмена с тамошними жителями чай и железо, и привести кроме золота ещё и меха и зубы того морского

зверя, которые так похожи на слоновьи бивни. Иногда эти зубы попадали в Поднебесную и ценились очень дорого, как всякая редкость. Эти зубы достигают трёх чи в длину, а то и больше⁷. Какого же размера должен быть зверь, в пасти которого такие зубы? Может быть это дракон, о котором говорят наши сказки? Живёт он далеко на севере, где, как говорят, солнце совсем не заходит летом и совсем не восходит зимой. Как это может быть? Зубы морского зверя я сам держал в руках, и то, что он существует, я не сомневаюсь. Но насчёт солнца! Как может одно и то же светило в одно и то же время, но в разных местах земли заходить строго на западе, чуть севернее запада и вообще не заходить? Это выше моего понимания! Думаю, всё это сказки и досужие выдумки, день должен быть везде одинаковый, что на юге, что на севере. Земля-то плоская, а в центре её находится Срединная или Поднебесная империя во главе с нашим божественным хуанди⁸.

И так, помолвившись Юйди – богу всех стихий, мы отплыли. На моём судне находилась часть охраны и доверенное лицо казначейства, чжурчжэнь Ингэ. На втором судне – охрана и рабы. Северо-западный ветер наполнил наши паруса. Дожонки как ласточки летели по Жёлтому морю. Всегда зимой и вначале весны, дует этот ветер, поэтому корабли Поднебесной с охотой уходили на юг, а не на север. Летом и осенью, наоборот дует юго-восточный ветер, возвращаться удобней, а путь домой всегда короче.

Быстро мы шли при попутном ветре. На третий день пути показались берега Шаньдунского полуострова, и три дня мы шли вдоль него. Это всё были берега Срединной империи. Но вот и они оказались позади. Через четыре дня впереди на горизонте появились берега государства Корё. Мы взяли курс на юг. Вот из моря стала вырастать гора Халласан, мы приближались к острову Чеджу. Обогнув его с юга, мы вошли в Восточное море и взяли курс на север. Попутный ветер стих, но нас подхватило морское течение. Движение замедлилось. Мы ловили любой мало-мальски попутный ветер и всё-таки двигались вперёд. Справа по борту зеленели гористые берега страны Восходящего Солнца. Жители этой страны конечно варвары, но они очень много переняли у жителей Поднебесной, что весьма, весьма похвально для варваров. Они переняли иероглифы, бумагу и тушь, что бы писать этими иероглифами звуки своей варварской речи, чай, компас и многое другое. Сейчас в этой стране то же идёт война. И кто бы ни победил к власти придут всё равно свои. Простой народ даже не заметит эти перемены. В Поднебесной же всё гораздо сложнее.

II

На двадцатый день плавания к нам подошла лодка, выдолбленная из цельного ствола дерева. В ней оказался купец, который торгует с Поднебесный и, поэтому знает наш язык. Он был послан правителем той земли, мимо которой мы проходили, что бы позвать нас к себе в гости. Отдых на берегу был кстати. Размять ноги на берегу команде и пассажирам было просто необходимо. Мы испросили разрешение на это. Оно вскоре было получено. Высадив команду двух дожонок и пассажиров на берег и оставив

⁷ Около одного метра.

⁸ Императором.

вместо себя кормчего второго судна, я, доверенное лицо казначейства Ингэ и командир охраны меркит по имени Чже. На самом деле его звали не так, но его длинное варварское имя наш язык отказывался произносить, поэтому он и получил от нас другое имя, сокращённое от его настоящего – Чже.

Правителя звали Каташи из рода Симадзу, который восходит от правителей Поднебесной империи Цинь Шихуанди. Конечно, это не династия Хань, но род тоже знатный. Титул у правителя был – самулай⁹. Произносится он немного по-другому, но звук, который есть в этом варварском языке, отсутствует в божественном языке жителей Срединной империи, и иероглифов таких тоже нет, поэтому передать звучание я не могу. Вообще этот звук характерен для варваров востока, запада и севера, это он передаёт рычание зверей, а не людскую речь. Самое смешное, что первый звук моей фамилии отсутствует в языке вадзин – жителей страны Восходящего Солнца, и самулай Каташи из рода Симадзу, как не силился, но произнести его не смог. Поэтому, с моего разрешения он стал звать меня по имени, присоединив к нему уважительную приставку – Жун-сан.

Титул самулай или буси¹⁰, означает воина на службе более знатного правителя – сёгуна, по-местному, который в свою очередь служит императору, или сам стремится стать императором страны Ямато, как называют свою страну её жители.

Мы поднимались по круче берега наверх, где стоял дом господина Каташи. Вокруг стояли домики низшего сословия. Мне казалось, что они были какие-то лёгкие. Я поинтересовался у нашего проводника об этом и он подтвердил, что это действительно так. Здесь довольно часто случаются землетрясения, и, что бы можно было благополучно выбраться из-под завала, если обитателей дома землетрясение застанет внутри него, дома делают из лёгких материалов.

Господин Каташи встречал нас на пороге своего дома. Он плотно прижал руки к своим бокам, кланялся и улыбался нам. Нас провели в просторную комнату, усадили на подушки. Предварительно у порога, по местному обычаю, мы сняли обувь. Как же ругался Чже, снимая свои тесные сапоги! У дальней стены девушки играли на каких-то музыкальных инструментах. Лилась спокойная приятная музыка. Подали чай.

Господин Каташи-сан интересовался всем: куда и зачем идут на север джонки из Поднебесной, какой дорогой они возвращаются, как дела в Поднебесной, что интересного мы видели дорогой, двигаясь туда и обратно, и многое другое. Что мог, я любезно разъяснил ему. Действительно на север джонки идут вдоль берегов страны Восходящего Солнца, им помогает двигаться с юга на север морское течение и ветер с берега. А осенью они движутся по другой стороне Восточного моря, где то же есть течение вдоль берега, но уже в другую сторону, с севера на юг. Что же касается интересного и не обычного, то в позапрошлом году, когда мы возвращались обратно, на той стороне Восточного моря, я видел с борта судна, как тигр загрыз морского зверя, у которого лапы вместо ног. Согласитесь, что это не обычно! Тигр – животное южное, а морской зверь, надо думать, северное. Потому, что дальше на север этих зверей становится больше и сами они

⁹ Самурай.

¹⁰ Воин.

крупнее. Мы видели их лежбища на берегу. И встреча этих зверей – тигра и лакононогого, явление не обычное. В проливе между островом Эдзо и Северном островом видели морскую выдру, которая плыла на спине, а на животе грызла раковины. Это было забавно. И ещё рассказал о зубах неизвестного морского зверя. Каташи-сан был поражён.

И это было не последнее его удивление в этот день.

Подали обед. Рыбу и другую морскую живность, и надо отдать должное повару господина Каташи, прекрасно приготовленную. Все ели, естественно палочками, кроме этого варвара – меркита. Он ел руками и с таким брезгливым выражением лица, что господин Каташи поинтересовался – в чём дело? Меркит Чже ответил, что у них в степи только самый последний нищий ест рыбу. Тот, у кого нет скота и лука для охоты. Ибо только мясо и молоко настоящая пища воинов! Тут уже у нас появилась презрительное выражение лица – чем молоко коровы отличается от её мочи? А меркит невозмутимо продолжил, что от употребления молока рождаются такие великие воины, которые могут подчинить себе Поднебесную империю и любую другую. Правда, он добавил, что Темуджин, которого сейчас называют великим полководцем Чингисханом, в молодости тоже питался рыбой. А каких высот он достиг!

Каташи-сан никогда не слышал о Чингисхане и поинтересовался у меня, кто это такой. Я ответил, что это варвар-кочевник, который покорил все кочевые племена на севере от Поднебесной, в том числе и родину этого меркита.

Почтительно выслушав ответ, он вежливо и деликатно спросил, может ли Поднебесная потерпеть поражение от этого Чингисхана? Я с возмущением дал отрицательный ответ. И доверенное лицо казначейства, чжурчжень Ингэ полностью со мной согласился. Но у меркита было своё мнение. Он сказал, что всё возможно. Войска Поднебесной составляют чжурчжени, которые сами когда-то были степными войнами и довольно таки не плохими войнами, если сумели в своё время завоевать Поднебесную. Но жизнь в Поднебесной изнежила их. Теперь не каждый из них может на скаку попасть из лука в летящую птицу, а в войсках Чингисхана это может сделать любой воин.

Каташи-сан сказал, что в доблесть буси входит умение скакать на лошади, стрелять из лука и в совершенстве владеть мечём, и за это им великий император страны Восходящего Солнца даёт землю. Чже с ним полностью согласился, сказав, что скакать на лошади и стрелять из лука, а так же владеть оружием ближнего боя – мечём или копьём – очень важно. Но, добавил, что это умеет делать каждый мужчина в степи, и если бы за это давали ещё и землю, то земли бы не хватило на всех. Каташи-сан высказал сомнения, как можно сидя на лошади, на полном скаку попасть в летящую птицу. Чже пожал плечами и сказал, что если уважаемый хозяин предоставит ему лошадь, то он пойдёт за своим луком и покажет, как это делается. Хозяин согласился, а также приказал своим слугам принести его меч.

Приказание выполнили. Каташи-сан взял в руки меч и показал его меркиту. Меркит кивнул и спросил, что это? Почему у этой сабли такой длинный клинок и такая длинная рукоять? Ведь сражаться ей будет неудобно? Каташи-сан сказал, что это душа самаулая. На что Чже ответил,

что тогда всё в порядке, если это только душа и драться ей не надо, то душа у Каташи очень красивая. Каташи-сан молча встал, взял в руки свой меч и показал несколько движений. Меч как бабочка порхал вокруг него, со свистом рассекая воздух. Проклятый меркит был в восторге, он сказал, что если бы в степи побеждали танцами, то у Каташи-сана не нашлось бы равных ему. Наш хозяин был возмущён – Чже явно издевался. Но меркит спокойно, с улыбкой на губах попросил принести ещё и его саблю.

Просимое вскоре было доставлено. Подвели коня соловой масти. Меркит вскочил на коня, проехался по кругу, пробуя, подчиняется ли лошадь управлению ногами. Удовлетворённый, он сказал, что можно начинать. Но птицы кружились только над морем. Чже тогда приказал кинуть деревянные тарелки перед ним, а потом и за ним. Он разогнал лошадь. Перед ним взлетела вверх тарелка. Меркит вскинул лук, натянул тетиву до уха. Тарелка упала на землю с тремя воткнутыми в неё стрелами. Взлетела ещё одна тарелка сзади всадника. Меркит на скаку оглянулся. И ещё три раза звенела тетива. И эта тарелка упала в траву с тремя стрелами. Чже сделал круг и вернулся довольный. Он попросил воткнуть прутья с двух сторон тропы, что бы он смог показать, как надо рубить саблей. Каташи-сан кивнул и что-то приказал на своём языке. Вскоре вдоль дороги, с двух сторон, выстроились, встав на одно колено, молодые воины нашего хозяина, держа перед собой двумя руками бамбуковые шесты. Меркит заметил, что он может случайно задеть молодых людей или, даже, убить. Каташи-сан сказал, что настоящий воин должен быть счастлив умереть от клинка, а, бояться его, тем более, он не имеет права. Я понял, что это своеобразное испытание воинов Каташи. Чже пожал плечами и сказал, что если хозяину не жалко своих воинов, то ему тем более жалеть не о чем. Меркит вынул саблю из ножен и помчался с гиканьем, рубя бамбуковые шесты направо и налево. Обрубки, наискось срубленные саблей меркита, втыкались в землю рядом с державшими их людьми. Лица молодых воинов Каташи были невозмутимы, но сабля Чже никого из них и не задела. Меркит вернулся довольный. Странно и грозно смотрелся на соловой лошади этот довольный собой степной воин. Грозным знаменем он показался нам в тот миг.

Хмурый Каташи-сан приказал заменить шесты и привести себе лошадь. Так красиво срубить шесты, как это сделал Чже, у него не получилось. Одной рукой меч держать было тяжело, а двумя неудобно было рубить бамбуковые шесты, в результате, один из его воинов был убит, и несколько получили ранения.

Чже, глядя на это, сказал, что в степи его бы за это закатали бы в войлок. Каташи-сан спросил, что это означает. Я пояснил, что войлок это очень толстая и плотная шерстяная ткань и человек, завернутый в войлок, задыхается. Это очень мучительная казнь, человек долго мучается в этом войлоке, пояснил нам меркит, особенно на жаре.

Каташи-сан выглядел очень расстроенным. И огорчала его не смерть молодого воина. Он понял, что если такие люди, как Чже придут на эту землю, они завоюют её без особого труда. И только чудо сможет спасти людей страны Восходящего Солнца.

Ночевали мы у гостеприимного хозяина, а утром с отливом двинулись дальше, на север.

ЗДЕСЬ СЕРЕЙ ПАВЛОВИЧ, ПЕРЕЧИТАВ СВОЙ ПЕРЕВОД, РЕШИЛ, ЧТО ЧИТАТЬ ЭТО НЕ ВОЗМОЖНО И НАДО ПЕРЕВОДИТЬ ТЕКСТ НЕ ПОСТРОЧНО, А ЛИТЕРАТУРНО. ПЕРЕВОДИТЬ ПОСТРОЧНО У НЕГО ВСЁ РАВНО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ – ОН ПИШЕТ НЕ ДА-ДА, А ТАТАРЫ, НЕ МЭЙЛИЦЗИ, А МЕРКИТЫ.

III

Блестело солнце в голубом небе, отражаясь в тёмно-синей воде Восточного моря. Безветрие. Джонки ели ползли, повинуюсь морскому течению. Наша охрана тянула какую-то длинную унылую степную песню. Далеко она разносилась по волнам, долетая до зелёного гористого берега. И была там услышана. Это была северная оконечность большого острова страны Восходящего Солнца. Из тени берега вынырнули около десяти лодок, выдолбленных из целого ствола дерева и с наращенными бортами из досок. На вёслах они летели к нам под ритм барабанов. Было не понятно, что это? Нападение или они хотят с нами торговать? Для торговли, уж слишком стремительно они к нам приближаются, да и много их в лодках, человек по двадцать в каждой.

Это была уже страна эмиси или эбису, как их называют вадзин, жители страны Восходящего Солнца. Сами же себя местные жители называют айну.

У нас, на протяжении стольких лет походов за золотом в северную землю были с ними и военные столкновения, и мирные торговые отношения. В прошлом году, возвращаясь с золотом, на другом берегу Восточного моря мы столкнулись примерно с такой же флотилией. Они напали на нас, приняв за корейских купцов. Ошибка им стоила дорого. Наши охрана во главе с тем же Чже перестреляла их из луков, не дав даже близко подойти к нашим джонкам.

Ко мне подошёл Чже:

– Господин, – сказал он, – в их руках луки. Это не товар для обмена.

У Чже был орлиный взгляд степняка.

– И кто там?

– Айну. Но есть и вадзин.

– Командуй, Чже.

Я приказал просигнализировать второй джонки, указав ей на опасность. Оттуда мне ответили, что всё видят и готовы к обороне.

Чже о чём-то договаривался со своими подчинёнными. Вскоре они выстроились по правому борту с луками в руках. Раздались звуки спускаемой тетивы, и первые свистящие стрелы, пущенные рукой Чже, полетели, в нападающих. Первые враги, пронзённые стрелами, упали кто в море, кто внутрь лодки. Начался ленивый обстрел лодок противника. Наши люди били без промаха. Но лодки упорно двигались на нас. Айну в ответ не стреляли, их луки были не такими дальнобойными, как у наших степных варваров.

Айну, храбрые войны, и, презирая опасность, не пользуются щитами. Вместо щита в левой руке у них меч, почти такой же, как нам показывал Каташи-сан, только меньше у него клинок и рукоять для одной руки, длинной в один бу¹¹. Сложно сказать, кто у кого перенял это оружие, айну у вадзин,

¹¹ Примерно полтора метра.

или вадзин у айну, но мечи у них похожи. Скорее всего, вадзин у айну. Айну, люди более рослые, чем жители страны Восходящего Солнца. Айну мало похожи на обычных людей¹², лица их покрыты густой растительностью. В лодках их сразу можно было отличить от вадзин. Айну, длинноволосые и бородатые, в одних набедренных повязках, мускулистые, с луком в руках и двумя мечами за спиной производили довольно таки воинственное и грозное впечатление, в отличие от одетых жителей страны Восходящего Солнца. Но отсутствие щита делали их уязвимыми для стрел степняков, да и для стрел вадзин тоже, недаром же Каташи-сан говорил, что для самурая главное, это умение владеть луком. А вадзин, как я знаю, враждуют с айну. Правда, не всегда. В пиратских лодках были и те и другие.

Наша охрана спокойно, стоя на качающейся палубе, отстреливалась от нападающих, не позволяя им приблизиться, что бы ни дать им открыть ответную стрельбу, кроме одной лодки, которая двигалась к корме. Её как бы, не замечали, разрешая ей вплотную подойти к джонке. Оттуда летели стрелы, на что, впрочем, наша охрана внимания не обращала. Лодка приблизилась к джонке, и с неё сначала были брошены несколько копий, а затем верёвка с крюком на конце. Крюк зацепился за наш борт, и по верёвке к нам полез вражеский воин. Он ловко перепрыгнул через борт и с боевым кличем вытащил два меча из-за спины. Это был воин-айну. К нему одним прыжком подлетел воин-татарин из нашей охраны с обнажённой саблей в правой руке и круглым щитом в левой. Неуловимые движения клинков, звон металла и татарин отскакивает от айну. Через всё тело айну, от правого плеча, до паха прошла красная полоска, изо рта его хлынула кровь, удивлённые глаза затуманились смертельной дымкой, и он мёртвым рухнул на палубу, рассечённый надвое одним лихим ударом татарской сабли. На палубу запрыгнул другой айнский воин, размахивая ремнём с деревянной колотушкой на конце – таким валиком с ручкой, на конце ручки проделано отверстие, куда вставляется ремень, по бокам валика торчали каменные шипы. Наверное, это страшное оружие в умелых руках. Но и этого айна постигла та же участь, что и первого, только от другого нашего война. Глухой удар колотушкой о щит, шипящий свист сабли и айнского война не стало. Зато стало понятно, что наша охрана заранее договорилась между собой подпустить вражескую лодку к нашей джонке, чтобы немного развлечься и заодно поупражняться в рубке саблей на живых людях. Поэтому они так вяло и отстреливались, им просто захотелось подраться. Они не боялись проиграть, знали точно – достойных противников тут нет.

На палубу выскочил воин-вадзин с каким-то неизвестным нам оружием – меч, загнутый с одного конца и длинной рукояткой, всё вместе, около восьми чи длинной¹³. Оказавшись на палубе, он очень красиво стал размахивать своим несуразным оружием, как недавно это делал самурай Каташи-сан. Наших воинов он не испугал, но очень удивил. Они как заворожённые смотрели на его движения, не пытаясь их прервать.

– Смотри, – сказал я, стоявшему рядом со мной Чже, – он танцует так же, как Каташи-сан.

– Нет. Каташи-дэсан махал мечом гораздо красивее, – возразил Чже

¹² Лю Жуншу имеетвидумонгольскую расу.

¹³ Примерно два метра тридцать сантиметров.

– Ты с ним потанцуешь? – спросил я насмешливо, кивнув на воина-вадзин со странным оружием.

– Какой из меня танцор, господин? Я – воин! – сказал Чже, и направился на своих кривых ногах к вадзин, на ходу вынимая саблю из ножен и перекидывая щит со спины в левую руку.

Воин-вадзин махал своим оружием не долго – оно выло отбито щитом Чже, а сам он был разрублен саблей меркита наискось, от правого плеча до пояса. Оружие вадзин оказалась в руке Чже. Он повертел его, рассматривая, бросил его своим воинам. Но рассмотреть его они не успели, на судно взбиралось одновременно несколько пиратов. Завязалась схватка, если её так можно назвать, уж очень она скоротечная. На бой с участием степняков смотреть не интересно – это не пьяная драка в портовом кабаке. Всё происходит мгновенно, не успеешь и глазом моргнуть, как всё уже кончено и их противник падает, разрубленный саблей. Привыкли к конным сражениям, где всё происходит довольно быстро. Хотя сабля в степи – редкость. Это оружие богатых и знатных воинов. Степные варвары низкого происхождения обходятся всё большие дубинами и топорами в ближнем конном бою, которого они очень не любят. А любят они больше всего стрелять из луков, не ввязываясь в рукопашный бой. Саблями нашу охрану обеспечил наш божественный император. Как они им обрадовались! Как дети новым игрушкам. Ухаживали за ними, берегли, и очень быстро научились ими великолепно владеть. Лучшие они ухаживали только за своим сложносоставным луком – своим основным оружием. Хранили его в коробе из бересты. Протирали его и чем-то натирали постоянно. Тетиву хранили отдельно. Я так и не узнал – из чего изготовлена тетива их луков, которая не боится морских солёных брызг.

На палубу выскочил ещё один воин-вадзин с таким же странным оружием, как и у предыдущего. На него тут же накинули аркан, связали и отволокли в сторону, чтобы не мешался.

Бой заканчивался. Нападавшие поняли, что эти два судна далеко не мирные кучки и с ними лучше не связываться. Уж очень много пиратов мёртвыми упали в море или окрасили палубу своей кровью. Айну бежали. Одну их лодку, как степного коня, наша охрана поймала арканом. С убитых айну и вадзин сняли всё ценное, а тела выкинули в море. Пойманную лодку привязали на аркане за нашей кормой. Тут как раз поднялся южный ветер, и наши джонки заскользили по волнам на север. Я приказал натянуть аркан, чтобы пойманная лодка не зарывалась носом в воду, но так, чтобы она и кормой не черпала.

Пока наша охрана грабила мёртвых, мы с Чже подошли к пленнику.

– Зачем вы его поймали, Чже? Что вы с ним собираетесь делать?

– Можно выкинуть его в море, можно подарить его тебе, господин. Но сначала, мне и моим воинам хотелось бы расспросить его об этом странном оружии.

– Ты думаешь, он понимает язык Поднебесной? Или хотя бы ваш?

Этот простой вопрос озадачил меркита. Он вопросительно посмотрел на пленника.

– Ну, наш-то вряд ли. Откуда ему его знать?

– Почему? Вы северные варвары и он – северный варвар.

– Мы с ним не один народ. Хотя вы, цзиньцы, считаете по-другому. Не только ты один, господин.

– Это шутка, Чже.

– Я не думаю. Вы, цзиньцы, действительно так считаете.

– Это правда. Но только не я. И мы не называем себя цзиньцы, мы, люди Срединного царства, называем себя ханьцы, в память той династии, к которой я имею честь принадлежать. Посмотри, Чже, тебе не кажется, что он понимает наш разговор.

Пленник, достаточно молодой человек, лет восемнадцати, двадцати, полулежал, прислонившись к борту, и смотрел на нас спокойным, равнодушным взглядом. В его глазах не было ни отчаянья, ни покорности судьбе, только мелькала лёгкая тень досады. Но он явно понимал наш разговор.

Чже присел на корточки возле него:

– Ты понимаешь меня?

– Да, – ответил тот равнодушно.

Пленник спокойно смотрел на нас своими карими глазами.

– Дайте мне нож, – сказал он.

– Зачем? – поинтересовался Чже.

– Зарезаться.

– Зачем? – не понял Чже.

– Потому, что это позор, когда тебя берут в плен, накинув на плечи колючую верёвку.

– Это не верёвка, – явно с обидой возразил Чже, – а аркан из конского волоса. Ты никогда не видел аркана?

– Нет.

– Никогда не видел, а считаешь это позором. Кроме того, с живыми может случиться всё что угодно, с мёртвыми, никогда и ничего! Чингисхан четырнадцать лет провёл в плену, освободился и стал грозным и великим. А если бы он зарезался? Но я с тобой соглашусь – лучше бы он зарезался. Тогда бы мы с тобой не увиделись.

– Ты много болтаешь, Чже, – прервал я его. – Парень всё равно ничего не понимает.

Чже посмотрел на меня и, усмехнувшись, сказал:

– «Блажен тот, кто ничего не знает: он не рискует быть непонятым».

Я был удивлён – грязный степняк знает слова нашего великого учителя Куна. Наверное, он слышал это где-нибудь и запомнил понравившуюся фразу. Чже не грамотный и прочитать её не мог.

– Как тебя зовут, – обратился я к нашему пленнику.

– Кин, – ответил он, – что значит, по-вашему – золото.

Меня как-то больно резануло по сердцу – Кин, это искажённое наше Цзинь – золото. Эти островные варвары не знали, что такое золото, у них не было даже слова, обозначающее его, и они взяли наше. Но не в этом дело. Кочевники захватили золото! Как это понимать? Не хорошее предчувствие обожгло мне душу. Но, слава нашим всемогущим предкам, оно не оправдалось и по сей день.

– Как называется твоё оружие? – спросил пленника Чже.

– Нагитана, – ответил тот. – Длинный меч, по-вашему.

– По-моему, длинная у него только рукоятка? – недоумевал Чже.

- Ты не о том спрашиваешь его, Чже, – сказал я.
- О чём же его спрашивать, господин? Мы для того и заарканили его, чтобы узнать, что это за оружие.
- Это не главное.
- Что же тогда главное, господин?
- Главное, это узнать, что он знает и решить, нужен ли он нам.
- Зачем?
- Как зачем? Что бы узнать кормить его или скормить его рыбам. Вы то, степняки, своих рабов не кормите.
- Это правда, господин, – согласился со мной Чже, – таковы обычаи степи, но на севере мы рабов и собак кормим.
- И так, – обратился я к пленнику, – откуда ты знаешь язык жителей Поднебесной?
- Не только этот язык, но ещё и язык айну и тех людей, которые живут дальше на север отсюда, которые зовут себя нанай и нивх.
- С айнами понятно – ты среди них жил, хотя я слышал, что айны и вадзин враждуют между собой.
- Да, но не всегда. Мой отец был купец. Мы торговали по всему побережью этого моря, были и довольно часто были, и в вашей стране, господин. Отсюда и знание языков. Мои предки все были купцами. Мы с детства языки учим. Без языка торговать сложно.
- Вы торговали?
- Да. Шторм разбил наше судно. Мы до этой земли на полузатопленном судне добрались. Судно починить не удалось. Так здесь и остались.
- И занялись разбоем?
- Пленник пожал плечами:
- Надо было что-то делать. Где-то надо было брать средства на починку судна и на покупку товара. Отец и старший брат набрали денег, построили судно и ушли на родину, домой. И опять занялись торговлей. А что мне дома делать? Торговля меня не привлекает. Я хочу стать самураем. А что бы стать самураем, надо прославиться и набрать отряд воинов. Потом поступить на службу к какому-нибудь сёгуну. Он бы дал мне землю, я стал бы самураем, здесь на границе, это возможно. Стал бы богатым и знатным. А теперь я у вас в плену и все мои надежды рухнули. Осталось только умереть.
- Я поспешил его успокоить:
- Не огорчайся. Зарезаться ты всегда успеешь. Сёгуна ты, считай, нашёл в моём лице, если ты знаешь языки местных народов и хорошо владеешь оружием, а не только языком. А служить нашему божественному императору Срединной империи гораздо почётней, чем вашему. «Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы иметь высокий чин. Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали». Так говорит великий учитель Кун!
- Умирать лучше во славе и почёте на склоне лет в какой-нибудь великой битве, – высказал своё мнение Чже.
- Пленник промолчал. А я опять вспомнил слова учителя Куна и сказал Чже:
- «К молодым людям нельзя относиться свысока. Очень может быть, что повзрослев, они станут выдающимися мужами».

Чже усмехнулся, и ничего не сказал.

– Хорошо, – сказал я. – Покажи Чже и его воинам искусство владения своим странным мечём, а потом расскажешь мне о своих странствиях более подробно.

Искусство владения длинным мечём, которое показал Кин воинам Чже, не очень-то их поразило. Красиво, конечно, завораживает, как танец. Но в степи не танцуют, в степи убивают. Там воевали все против всех и воевали жестоко. Война там не весёлая прогулка, не великолепное приключение, а жестокая, кровавая действительность, в чём я, впоследствии, убедился на собственном опыте. Но сейчас война в степи прекратилась. Чингисхан железной рукой привёл все племена степи к покорности. Но эти дикие псы привыкли к крови и, если, он их не натравит на кого-нибудь другого, они разорвут его самого. Но я надеюсь, что наш император сумеет их укротить, и они и дальше будут грызться между собой в своей холодной голодной степи, пока все не передохнут.

Рассказ Кина о торговых странствиях со своим отцом и братом, меня тоже не поразило. Обычные торговые путешествия. Покупали в Поднебесной шёлк и другие ткани, фарфор и прочие товары, ту же бумагу, в общем, всё то, что хорошо умели делать в Поднебесной и совсем не умели делать в окрестных странах. Всё это везли в Корею или в свою страну Ямато, продавали там, покупали на вырученные деньги железные изделия и везли их на север, в страну айнов или ещё дальше в страну нивх. Там всё это меняли на меха, а в стране нивх ещё иногда удавалось, и приобрести клыки неизвестного мне морского зверя. И этот товар опять везли в Поднебесную, в Корею или в Ямато. Что бы поразить моё воображение, Кин начал рассказывать, что далеко на севере, где обитают клыкастые морские звери, ночь зимой длится полгода, и столько же летом длится день. И ночью там прекрасные сполохи на небе бывают, и звери там все белые: и медведи, и лисы, и совы. Даже, сказал, что зимой там море замерзает.

Я его спросил:

– Ты всё это сам видел?

– Нет. Нам люди народа нивх рассказывали и айну – тоже.

– А им, в свою очередь, рассказали люди народа эвенкил, в страну которых мы направляемся. Это всё сказки! А народ эвенкил живёт гораздо севернее твоих нивх. И ни каких там белых медведей не водится, спроси хоть у Чже, он там зимовал несколько раз. А сказки, юноша, рассказываются затем, что бы всякие купцы вроде тебя или твоего отца, туда не плавали и не сбивали цены на клыки морского зверя.

– Туда плыть очень далеко. Айны рассказывают, что на северо-востоке острова Эдзо на север тянется цепочка островов, которые не что иное, как огнедышащие горы. Они доходят до другого огромного острова, где на самой его оконечности тоже живут айну. Айну считают, что весь мир состоит из островов. Так вот, если плыть дальше на север, как рассказывают местные жители, не айну, то можно попасть в страну, где обитают белые звери и морской зверь с огромными клыками, где полгода – день, а полгода – ночь.

– А на небе ночью полыхают что-то смешанное с радугой и зарницей? Ты сам-то в это веришь? Это сказка, красивая и страшная сказка.

– Не знаю, но так говорят, господин, и айну и нивхи.

– Не всему надо верить! Белый цвет – цвет смерти! Странно бы это было – видеть живых существ в такой траурной расцветке. Хотя, всё бывает. У тебя у самого на голове белая повязка.

– А как же морской зверь?

– Морской зверь, конечно же, есть, раз мы видели его клыки. Но представить его, не видя, мы не можем. О многих зверях мы знаем, что они есть, хотя ни разу их не видели. Ты знаешь, кто такой верблюд?

– Нет. Даже слова такого не слышал, – сказал Кин.

– Вот видишь, а, между тем, для нашей охраны это обычное домашнее животное. Даже большие – мерило богатства. Это такое животное, что бы ты знал, как лошадь, только очень уродливое: с двумя горбами на спине, морда у него с раздвоенной верхней губой, а вместо копыт – лапы, на которых всего два пальца. Ты можешь это представить?

– Нет.

– Вот! А теперь смотри! Видишь, наша охрана заметила в море китовый фонтан? Так вот, а ещё не давно, они понятия не имели, что такой зверь живёт на свете. Правда, они думают, что это рыба.

– Нет, это зверь, господин.

– Я знаю. Но наша охрана, даже домашнюю кошку увидела недавно во дворе нашего божественного императора.

IV

Небо на севере темнело. Из далёких туч на горизонте сверкали молнии. Попутный ветер стих. Надвигался шторм. Я приказал убрать паруса и приказал просигналить второй джонки, чтобы она подошла поближе к нам, дабы не потеряться во время шторма. А нашей охране, я приказал следить за своей добычей, лодкой, отбитой у айну, а то, как бы она не оторвалась, или, что ещё хуже, не потонула и не потащила бы нас за собой на дно. Что они с не охотой и стали делать. Наша охрана не любила море и относилась к нему с опаской, я заметил – степняки, вообще большую воду не любят. Кин же к начинающему шторму отнёсся довольно спокойно.

Нас трепало довольно долго, к утру следующего дня шторм стих. Никаких повреждений и потерь не было, но нас довольно таки далеко отбросило на юго-запад. Так далеко, что мы даже потеряли из виду берег острова Эдзо. Взяв курс на северо-восток, мы сутки старались придерживаться этого направления, пока на горизонте не показались холмистые берега этого острова.

С радостью, по очертанию берега, я заметил, что мы приближаемся к устью реки, где мы обычно набираем пресную воду и торгуем с местными жителями – айну. Меняем у них на железо и материю шкурки соболя и другие меха, а, главное, запасаемся китовым жиром для масляных светильников – на золотых прищках они просто незаменимы. Раньше мы переговаривались только жестами, а теперь появилась возможность поговорить через переводчика.

Айну нас уже ждали. Они, наверное, заранее выставили наблюдателей, знали, что мы в это время должны появиться. Их селение находится выше по течению, там, куда прилив по реке не доходит и постоянно пресная вода.

Свои джонки мы поставили на якорь в устье реки, вплотную к друг другу.

Сойдя на берег, я тепло поприветствовал старейшину этого селения, которого знал не один год.

Начался обмен. Мы забрали всех соболей и весь китовый жир, который нам приготовили к нашему приезду айны. После чего, я разрешил Чже обменивать свою добычу. Луки, стрелы, копья и ножи у них забрали сразу, поменяв их на лисьи и горностаевые шкурки, а вот от мечей отказались. Объяснили они это тем, что вокруг живут одни айну и воевать им не с кем, а между собой они не воюют. Что же касается земли за проливом, которую они называют Земля Бога устья, то там, вперемешку живут айну и нивхи, и пропитание они добывают не на земле, в лесу, а в море. Рыбы, морского зверя и другой съедобной живности там так много, что они из-за этого не ссорятся, в чём гости сами могут убедиться, когда будут проплывать мимо.

Начался торг из-за захваченной пиратской лодки. Старейшина сказал, что она слишком большая, и для охоты на китов, по его мнению, она не годится. На китов они охотятся на мелководье. А, если повезёт, то и вообще без лодки. Некоторые киты любят полежать во время отлива на обнажившемся дне – обсохнуть. А потом, с приливом, уходят обратно в море.

– Но, если вы загарпуните вон того кита, – и старейшина айнов показал рукой на китовый фонтан на горизонте, – то мы возьмём у вас лодку.

Кин перевёл.

– Хорошо, – согласился Чже.

– Умеет ли великий чужеземный воин метать гарпун?

– Что такое гарпун?

– Это такое большое копьё, – за старейшину ответил Кин.

– У нас в степи не разбрасываются оружием, – неопределённо ответил Чже.

– Гарпун никто и не выбрасывает, – удивлённо возразил старейшина. – Он привязан к лодке. И ещё поплавок к нему привязан. А иначе кит уйдёт.

Чже пожал плечами.

Я так думаю, что великого война волновало не умение метать гарпун – это, может быть он и умел – а то, что он не умел грести. И было видно, что ни старейшине айнов, ни Кину даже в голову не взбрело, что этого кто-то не умеет делать. Для них это было так естественно, как дышать, так же как для Чже скакать на лошади, что айну, судя по всему, не умели делать, да и лошадей никогда не видели.

Доверенное лицо казначейства, чжурчжэнь Ингэ, слушавший этот разговор, подошёл ко мне и сказал:

– Наша охрана грести же не умеет.

– Они и плавать не умеют.

– Я думаю, им это не понадобится. Плохо то, что в этой лодке вёсел нет.

– Как нет?

– Так. Часть потерялась при нападении, остальные во время шторма.

Кто их берёт? Они же не знают, что лодка без вёсел, как конь без узды.

– А ты откуда знаешь?

– Я родился и вырос в таких местах, где лодка ценнее коня.

Надо было выручать Чже.

– Уважаемый, – обратился я к старейшине айнов, – наши воины покажут, на что способны, только дайте им своих гребцов с вёслами

и гарпуны. У нас нет такого оружия. И ваши люди, я уверен, лучшие подкрадутся к киту.

Старый айн был польщён и охотно согласился предоставить просимое. И вскоре Чже, Кин и несколько наших воинов с гребцами-айнами отправились на охоту за китом. Я видел, как они проплывали мимо нас. В руках у Чже был гарпун, и он с интересом его разглядывал.

Лодка приблизилась к китовому фонтану на горизонте. Что там происходило, разглядеть было не возможно. Видно было только, что она держится на плаву и двигается из стороны в сторону.

Наконец, томительное ожидание кончилось, и лодка медленно пошла назад. Когда она подошла поближе к берегу, стало видно, что лодка тянет за собой тушу огромного кита длиной более тринадцати бу¹⁴ с тёмно-синей спиной. Охотники, большинство из которых искренне считали себя рыбаками, вышли на каменистый берег радостно-возбуждёнными, как мальчишки после удавшейся лихой и опасно-весёлой проделки. Кин среди них стал явно своим. Это чувствовалось. Как потом рассказывали, это именно он первым метнул гарпун в кита. И метнул его удачно.

Чже щедрой рукой подарил кита айнам. Айны, в свою очередь, расплатились с ним за лодку. Наша охрана получила тридцать лисьих шкур, столько же горностаевых и шкур животного, похожего на небольшую пушистую тёмно-бурую собачку с белой мордочкой, которую Кин назвал по-своему – тануки, а Чже и Ингэ как-то по-другому. Кроме того, айну дали им несколько мехов пьянящего напитка – то ли пива, то ли браги. Вечером, с моего разрешения, наша охрана устроила грандиозную пьянку на берегу вместе с гребцами-айнами, ходившими с ними на кита. Все запасы этого напитка, что нашлись в селении у айну, были выпиты. Всю ночь на берегу горели костры и слышались протяжные степные песни, иногда прерываемые песнями айнов.

Только через день мы продолжали своё путешествие на север.

V

Мы пересекли пролив и двинулись вдоль берегов Северного острова, который айну называют Землёй Бога устья, а нивхи Чёрным островом. И действительно, на третий день плавания, с правого борта потянулась чёрная полоса леса. Лодки нивхов или айну иногда скользили возле берега, но к нам не приближались. Мы шли всё дальше и дальше, подгоняемые ветром и течением. Берега Восточного моря начали сближаться, и на севере, казалось, сошлись. Но мы знали, что это не так. Лодки местных жителей пересекали море с одного берега на другой, не обращая на нас никакого внимания. Наконец, мы вошли в пролив, разделяющий Восточное море от Северного моря. Вода тут была менее солёная, и сильное течение шло с севера на юг. Но слава нашим предкам, ветер был попутный, и это течение мы с трудом, но преодолели.

– Это Большая река, – пояснил Кин. – Она впадает тут в море.

Наконец, западный и восточный берег сошлись последний раз, потом разошлись, и большие уже не сходились.

Мы свернули на запад. Прошли несколько гористых пустынных островов, покрытых хвойным лесом, где жили только птицы и ластоногие

¹⁴ Более двадцати метров.

звери. На сами острова мы никогда не высаживались, может там кто-то и ещё водится, но вокруг них так много скал торчит из моря, отбивая какую-либо охоту проверять это.

Скалы в море и на самих островах завораживали своей красотой.

Прекрасна северная природа, но нет ничего прекрасней Поднебесной!

Слева по борту, между нами и островами, плыли, выскакивая из воды, сопровождая нас, огромные дельфины. «Киты-убийцы» – назвал их Кин. Мы это знали. Несколько раз во время этого и предыдущего плавания мы наблюдали охоту этих китов-убийц на ластоногих зверей. А справа по борту в море до самого горизонта виднелись фонтаны и хвосты просто китов. Но местные жители, даже если они тут и были, лодок не знали.

Обогнув острова, мы приблизились к западному краю Северного моря, и, держась на значительном расстоянии от берега, двинулись на север, ища знакомую бухту, куда, стекая с гор, впадает Золотая речка. Наш путь подходил к концу.

Наконец мы достигли цели нашего путешествия. Рано утром мы подошли к длинному острову. Два полукруглых мыса с двух сторон подходили вплотную к острову, образуя овальную бухту. Вокруг джонки из воды высывались любопытные, круглые, усатые морды каких-то морских животных. Через пролив между левым мысом и островом мы вошли в бухту. Якорь кинули у самого берега, встали на разгрузку. Перед нами, вдали виднелась двуглавая гора, похожая на спину верблюда.

Разгрузили джонки, переночевали на берегу, а утром следующего дня отправились в горы.

На джонках осталась нас ждать команда под началом Юй Сугэ, второго капитана. Я приказал отогнать джонки на середину бухты и там встать на якорь, как мы всегда делали. Опасались мы не людей – местные жители здесь не воинственные, а медведей. Медведей здесь много, они огромные и очень наглые, любопытные и раздражительные. Юй Сугэ прекрасный начальник – он не позволит скучать обеим командам в долгие дни ожидания.

Мы же двинулись по тропе в горы. Впереди и сзади шла наша охрана, в середине с поклажей – рабы. Переночевав в горах, к полудню следующего дня мы увидели перед собой неказистую деревянную крепость, прикрывающей рудник. Жители Поднебесной не умеют строить крепости из дерева, поэтому как получилось, так и получилось.

Крепость состояла из двух стен – наружной и внутренней. Наружная стена – это вкопанные в землю стволы деревьев с заострёнными вершинами. Внутренняя стена меньше наружной. Пространство между наружной и внутренней стеной было набито камнями и песком. Внутри крепости стояли деревянные дома для охраны и рабочих.

Из открытых ворот крепости кинулись нам навстречу с лаем собаки. Но узнав нашу охрану, завиляли хвостами.

Вскоре показался и начальник стражи крепости кереит Уба. Он с достоинством поклонился мне и Ингэ, слегка согнув спину, и, подчёркивая свою независимость, дружески обнялся с Чже.

У себя на родине кереиты и меркиты, может быть и враги, но здесь они явно братья по оружию.

Что-то не хватало в окружающей крепость местности. И я понял – не было стойбища эвенкил на поляне за рекой. Каждый год туземцы собираются здесь. Ставят конические шалаши, крытые шкурами оленей или берёзовой корой, которые они называют чумы. Встречаются родственники, друзья, обмениваются новостями, отдыхают после зимы. Ну и с нами, конечно, торгуют – меняют добытые зимой шкуры на привезённый нами товар. Эвенкил со своими домашними животными – оленями, кочуют семьями, поэтому редко видятся. И торг у нашей крепости для них праздник. А сейчас – никого! Я был удивлён.

Уже потом, разместившись в домах, внутри крепости, дав все необходимые распоряжения, мы устроили небольшое застолье по поводу нашей встречи. И на нём я спросил Уба об отсутствии туземцев. Но Уба сам ничего не знал и был удивлён не меньше меня.

А ведь нам надо не только постараться привести золота как можно больше, но и как можно больше пушинны поменять на привезённый нами товар. Как же мы выполним повеление императора? Надо было что-то предпринять.

Чже предложил отправить нескольких своих соплеменников на поиск местных жителей. На родине меркитов такие же горы и такой же лес, и ходить они по нему умеют. Лес они этот называют тайга, что значит на их языке – горный лес, или лес на горах, или горы покрытые лесом.

VI

На следующее утро несколько меркитов ушли в лес на поиски эвенкил. Вернулись они довольно таки быстро, к вечеру. И не одни.

С ними, со своей семьёй и двумя оленями пришёл местный житель по имени Онгонча. Он был очень расстроенный. Плакал, рассказывал, что из-за гор с севера на эвенкил напал народ чаучу. Чаучу очень злые, свирепые и жестокие. Они отбирают у эвенкил оленей, женщин и всё, что у них было более или менее ценное, а мужчин убивают. И не просто убивают, а мучают, перед тем как убить. Он, Онгонча, потерял старшего сына, дочь и сноху и почти всех олений. Эвенкил попытались организовать сопротивление, но были разбиты злыми северянами. Поэтому и нет эвенкил на торжище. Они разбрелись по лесу, прячутся от чаучу.

Эвенкил, по их рассказам, кочуют семьями, максимум три семьи вместе, иначе тяжело найти корм оленям. Сколько в таком кочевье может быть мужчин? Пять, ну, самое большее – десять. Удивительно, как они смогли собраться и дать отпор, пусть даже и не удачный.

Эвенкил считались здесь чуть ли не родственниками меркитов, а значить, и всей охране. В начале, когда это поселение только зарождалось, среди охранников-меркитов оказалось два воина-эвенкил. Язык их отличался от здешнего языка, но, не настолько, что бы они ни смогли понять друг друга. Поэтому охрана золотого рудника считала местных жителей своими младшими братьями.

Наша охрана решила отомстить за туземцев. Я разрешил это, рассчитывая на то, что когда всё успокоится, люди эвенкил всё же соберутся на нашу поляну за рекой и меновая торговля между нами и ими состоится.

Чже спросил Онгонча:

– Сколько воинов-чаучу напало на эвенкил?

– Много, – ответил тот.

– Сколько – много?

– Очень много!

Сообразив, что толку от Онгонча не добиться, Чже и Уба решили, что чаучу вряд ли больше сотни, потому, что сотня в глазах эвенкил, это очень много. И Чже предложил взять всех меркитов, а это двадцать человек, и ещё десяток воинов из других племён, тех, кто захочет идти с ними, главное, что бы они умели ходить по лесу. Он решил возглавить отряд.

– Три десятка наших воинов, – сказал Чже, – достаточно, что бы разогнать всех этих чаучу.

Он даже не сомневался, что тридцать наших воинов справиться с сотней неизвестных ему чаучу.

На этом и решили. Единственное, что мне было не понятно, так это где они будут искать этих чаучу. Но на этот счёт у Чже было другое мнение. Он был уверен, что с помощью Онгонча они их найдут.

Так оно и вышло: через два дня Чже с воинами вернулся. С собой они привели захваченного в плен чаучу.

– И что теперь? – спросил я у Чже.

– Ничего, – ответил он. – Будем ждать. По нашим следам они придут сюда, что бы если не спасти своего воина, то хотя бы отомстить за него. Если они мужчины, конечно.

– Хорошо, они придут. И что дальше?

– Перестреляем из луков, господин, – усмехнулся Чже. – И всё, что есть у них будет наше!

Имя меркит, означает «хороший стрелок», а керейт – «ворон». «Хорошие стрелки», «вороны» и татары ждали своего часа.

– Как вы нашли чаучу? – спросил я.

– По крику, – ответил Чже. – Они одного местного раздели догола, вспорали живот, а кишки вытащили и положили на угли от костра. Конечно, он орал на всю тайгу! Так и нашли. Хорошо, что костёр был самым крайним в их лагере. Тихо всех вырезали, кроме этого. Ну и местного прирезали, чтоб не мучился.

Утром истошно залаяли собаки, и копьё перелетело через стену, чуть не задев нашего часового. Тот выстрелил. Раздался сначала стон, а потом яростная ругань на неизвестном языке. Это подняло весь наш маленький гарнизон на ноги. Степняки высыпали на стены. Я поднялся вместе с ними.

Через реку, вброд переходили люди в странных одеждах. Они были одеты в короткие сапоги, сделанные из шкуры оленя мехом наружу и в таких же оленьих тонко выделанных рубахах с напуском на пояс. На головах у них были одеты круглые облегающие голову шапки, с копыями и луками в руках. Внешне, они, судя по всему, были такие же, как и наш пленник: черноволосые, черноглазые, со скошенным назад лбом, выступающим вперёд лицом и орлиным носом. Нет пределу уродства! А говорят, где-то на западе живут люди со светлым цветом кожи, светлыми или рыжими волосами, голубыми или зелёными глазами. Вот те западные люди, наверное, смотрятся ещё более уродливо, чем чаучу. У чаучу хотя бы цвет кожи тёмный, медно-красный, пускай даже и от солнца.

Уба и Чже переглянулись, подняли свои луки и две стрелы со страшным, режущим свистом определили цели степным воинам. Степняки выстрелили. Чаучу бросились бежать, оставляя своих убитых на том берегу реки. Они остановились и стали грозить нам копьями и луками, сильно свистеть. Степняки дали ещё один залп. Чаучу, оставляя убитых на поляне, отошли к опушке леса. Вот теперь их точно осталась сотня, если не меньше. На опушке выросли шалаши чаучу, похожие на чумы эвенкил.

Онгоча искренне радовался такому успеху. Остальные оставались бесстрастными.

– Я думаю, – предположил Чже, – что это не все. У них где-то есть олени и прочая добыча.

– Согласен, – сказал Уба. – Если они не уходят, значит обязательно нападут.

– Нападут, бэе ¹⁵, обязательно нападут, – вмешался в разговор Онгоча. – Они, ночью придут. Перед рассветом. Они всегда так делают. Нападут с подветренной стороны, чтобы собаки не почувляли. Перебьют всех собак камнями. Они хорошо камни кидают, далеко. У них ремни такие есть. Камень посередки положат, над головой крутанут и метнут. Камень голову собаке пробивает, да и человеку тоже.

– Хорошо, – сказал Уба, – будем ждать.

Пока ждали, решили допросить пленного. Но он ничего не понимал на языке эвенкил, только смотрел на нас презрительно своими чёрными глазами. Тогда степняки подвели пленника к крепостной стене. Руки у него были связаны за спиной. К рукам привязали ремень, другой конец ремня привязали к зубцу стены и выкинули пленника наружу. Он так и повис с вывернутыми руками, но не единый стон, не говоря уже о крике, не вырвалось из уст чаучу.

Вечером, несколько человек охраны выбрались наружу из крепости, набрали много охапок сухой травы, сухого хвороста. Связали их ивовыми ветками и положили у крепостной стены.

Потянулась долгая тёмная ночь. Не луны, ни звёздочки не видно, всё затянуто облаками.

У варваров, что у нападающих, что у обороняющихся оказалось звериное чутьё, тонкий слух и совиное зрение. Что-то почуяв, часовой на стене наугад пустил стрелу в темноту. И попал. Предсмертный крик чаучу слился с предостерегающим криком нашего часового. Степняки высypались на крепостные стены, подожгли вязанки хвороста с сухой травой и выбросили их наружу. Огонь осветил нападающих. В них стали стрелять из луков.

С той стороны, ещё до того, как вниз полетели горящие вязанки хвороста, раздался резкий свист, и полетели через стену камни и стрелы. Заострённые концы брёвен крепостной стены захлестнули ремённые арканы. По ним чаучу стали взбираться на стены. Их поджидала наша охрана с обнажёнными саблями. Кин и Онгоча тоже были на стенах. Эвенкил отводил душу, опуская свою дубину на головы врагов. Наконец-то Кин показал искусство владения своим длинным мечом в настоящем деле, но кроме чаучу, его вряд ли кто оценил.

Для нашей охраны, одетой в кольчуги и панцири, в стальных шлемах, чаучу с их костяными и каменными наконечниками копий и стрел большой

¹⁵ Парень.

опасности не представляли. Но двоих мы всё-таки потеряли, которых потом похоронили в лесу по степному обычаю. Чаучу потеряли человек двадцать или тридцать в этот раз. Убили они и своего товарища, которого наша охрана повесила за руки на крепостную стену. Тело его было насквозь пробито копьём, прямо в сердце. Что ж, идущий убивать должен быть готов, что и его самого могут убить.

Ещё до рассвета чаучу откатились за речку. Уба приложил правую руку ко лбу, затем к животу, потом к левому плечу и к правому. Так он благодарил своего бога-креста за помощь.

Чаучу собрались на краю поляны, покидать её они явно не собирались. Что за упрямый народ? На что они надеются?

Мы – я, Ингэ, Уба, Чже и эвенкил Онгоча собрались на совет. Кин сидел у двери как мой телохранитель.

– Они не ушли, господин, – сказал Уба и вопросительно посмотрел на меня.

– Непосредственно я командую на море, Уба, – ответил я. – Здесь от меня приказ один: я должен выполнить приказ нашего императора – привезти как можно больше золота, пушинны и прочего.

– Да, – сказал Ингэ, – нам надо промыть раздробленную породу, что бы получить золото. А подхода к реке нет!

– И поэтому, – продолжил я, – вы с Чже должны избавить нас от чаучу. Уничтожишь ты их или прогонишь, меня это не касается. Как ты это сделаешь – тоже. Если я тебя смущаю и мешаю принять решение, я могу удалиться.

– Нет, что ты, господин, – сказал Уба и обратился к Онгочу. – Расскажи нам о чаучу. Всё, что знаешь.

– Что тут расскажешь, бэе, – начал Онгоча.

У эвенкил странный обычай всех называть бэе, что значит – парень, или называли другом, товарищем, но никогда по имени.

– Они храбрые.

– Это мы знаем.

– Жестокие.

– Это мы поняли. И ещё они очень умные.

– Ну? – удивился Онгоча. – В лесу как глупым прожить? Охотится – не можешь, рыбачить – не можешь. С оленями ходить не можешь. Как жить? А там где живут чаучу, там и леса нет. Одни поляны большие да болота. Жить ещё тяжелей. Глупый прожить, как сможет? Они умные, бэе. Моя бабка у них год жила. Много чего о них рассказывала. Бежала от них, да оказалась беременна. Моя мать наполовину чауча. Чаучу это их не настоящее прозвище, оно обозначает оленевод, имеющий много олений. Почему? Потому, что есть и другие, не оленеводы. Охотники. Сами себя, все они называют «настоящие люди». Остальные как бы и не люди вовсе, не настоящие люди. Очень уж они гордятся этим. Из лука стреляют они хорошо, камни кидают ловко. Камни кидать мы не умеем. И ещё бегают они хорошо. У нас за оленями очень-то не побегаешь – лес. Мы к оленям жерди привязываем, что бы они далеко не ушли. А у чаучу леса нет, им бегать приходится.

– Бегать приходится, – задумчиво сказал Уба.

– Странно, – сказал Чже, – почему бегать? Почему они на оленях не скачут?

– Э-ээ, бэе, – ответил Онгоча. – Наш олень крупный, на нём можно верхом ехать. А у чауча олени мелкие, верхом ехать нельзя. В нарты запрягать можно, это повозка такая.

Я вспомнил о двух голодных оленей Онгоча, что стояли понурые, у нас в крепости. Уж если эти олени крупные, то какие же тогда мелкие?

– Господин, – обратился ко мне Уба. – Рабы, у которых кончался срок, когда они становятся свободными? Когда сходят на берег Поднебесной, или когда заходят на джонку? Или они уже свободные?

– Почему это так важно?

– Я хочу дать им заработать. Глупо умирать от голода на свободе. Ты знаешь, господин, здесь некоторые по второму, а то и по третьему разу. Как они сюда попадают, я не знаю, но они говорят: «Здесь хотя бы кормят».

– Продолжай, – заинтересовался я.

– Дадим им дубины, щиты и пусть они нападут на чаучу. А потом как бы испугаются и побегут. Чаучу побегут за ними, а мы окружим их и перестреляем всех этих оленеводов. А рабам подарим по паре шкурок. В Поднебесной они их продадут и у них будут деньги на первое время.

– А почему не сами? «Посылать людей на войну необученными – значит предавать их», как учит учитель Куна.

– Самих нас слишком мало. Да и вдруг чаучу не поверят, что мы можем испугаться. И бегуны из нас не самые лучшие. Кроме того, рабы как раз воевать и не будут. Они только сделают вид, что воюют.

– Хорошо! По паре – это много, хватит и одной шкурки. А так не плохо. Действуй, Уба! – и добавил слова учителя Куна – «Небо и Земля разъединены, но они делают одно дело!»

На этом совет был закончен.

Уба объяснил рабам, что от них требуется и какая их ждёт награда, сказав напоследок, что тем, кто не согласится, он лично перережет глотку. Все согласились.

Охрана стала действовать. Она выгнала бывших рабов из крепости и стала раздавать дубины и щиты перед рекой на виду у чаучу. Между рекой и крепостью стоял невообразимый шум и гам, как я понимаю, намеренный. Под этот шум, два отряда степняков, с двух сторон, переправились через реку и углубились в лес. Наконец, бывшие рабы, переправились через реку и с криком то ли войны, то ли отчаянья, двинулись к чаучу. За ними, чуть отставая, шли степняки с луками наготове. Часть степняков остались на стенах.

Чаучу с копьями наперевес, без шапок, на бритых головах, на макушках оставлены пучки волос виде волчих ушей и бахромой из волос спереди, страшные и ужасные бросились на наше ополчение. Ополчение побежало, обтекая редкую цепь лучников, которые не тронулись с места. С двух сторон с боку из леса на наступающую чаучу вылетели стрелы. Вскоре чаучу были окружены и в них со всех сторон летели безжалостные стрелы. Большая часть врагов была истреблена, остальные попросили пощады. В этот раз обошлось без потерь.

Уба приказал прекратить стрельбу и закричал на языке эвенкил:

– Если ты убедишь меня оставить вам жизнь, я вам её оставлю!

– Меня зовут Выкван, я предводитель воинов настоящих людей, – керейту ответили на том же языке. – Мы предлагаем за себя выкуп.

– Значить, вы настоящие люди, а мы нет? Утешает то, что мы одержали победу, а вы – нет! Значить, мы более настоящие, чем вы! И что вы хотите нам предложить за свою жизнь? Оленей и женщин эвенкил? Так нам не надо!

– Нет! Свою добычу мы вам отдавать не собираемся! Да её и нет, она уже за горами, на нашей земле.

– Тогда что?

– А он хорошо говорит, – вмешался в разговор Чже. – Я бы тоже свою добычу не отдал.

– Вы – люди с юга? – спросил Выкван.

– Это, правда, – подтвердил Уба.

– Я знаю, что люди с юга очень ценят клыки морского зверя. Мы дадим вам их. И ещё клыки подземного зверя, которые ценятся ещё дороже у всех народов на всей земле.

– Про клыки подземного зверя я что-то слышал, но никогда не видел. И всё это у вас с собой?

– Нет. Но, почему бы нам не договориться?

– Хорошо! Можно попробовать. Складываете оружие и идите вон туда.

Ворон ворону глаз не выклюет. В воздухе запахло добычей, и северные варвары решили договориться с ещё более северными варварами. Тем более как потом оказалось, у чаучу ворон священная птица. Это очень польстило керейтам, хотя верят они в другого единого бога, бога в виде креста, которому постоянно молятся и, даже, дают имена себе в честь людей особо отличившихся перед этим богом.

VII

Чаучу сложили оружие и старишины обеих сторон, победивших и побеждённых, начали договариваться между собой насчёт выкупа. Начался торг. Остальные чаучу стали уносить своих убитых на другую поляну за лесом, намереваясь их сжечь на следующий день. Так чаучу хоронят своих убитых.

Наконец, старишины договорились. Причём Уба и Чже не забыли ни кого: не меня, не себя, не Ингэ, даже бывших рабов. Они договорились, что чаучу дадут по шкурки лисицы каждому из бывших рабов. Не забыли они и про Онгоча. Чаучу сразу откуда-то пригнали ему трёх оленей и вернули ему его дочку. Дочке Онгоча обрадовался меньше чем оленям. Женщин и детей надо было кормить, а он остался один из взрослых мужчин, о чём он очень сетовал. Конечно, если повезёт, через год у него будет уже девять оленей, но всё равно, выжить будет довольно таки тяжело. Я ему сказал, что он может забрать себе в зятья любого из бывших рабов, кто захочет здесь остаться. Остаться, на удивление, захотело человек десять. Онгоча выбрал двоих, показавшиеся ему наиболее пригодными для лесной жизни, сказав, что через два года ещё одна дочка подрастёт, и муж ей всё равно нужен будет. С тем и откочевал, обещав сообщить другим эвенкил, что опасность миновала и можно опять собираться на поляне для торга.

Себе же чаучу выторговали все стрелы, что вонзились в тела их воинов и захотели выкупить две кольчуги, два шлема и просили ещё две сабли. В саблях им отказали, но, зато у Чже появилась возможность продать все

захваченные мечи у айну. Кроме того им предложили железные изделия предназначенные для торга. На лице Выквана выразился восторг, смешанный с досадой – всё это могло достаться и даром.

На следующий день чаучу на поминальном костре сожгли своих убитых, а на третий день половина из них отправилась к себе на север за выкупом. Им отдали их копья и луки. Не отправлять же их безоружными в такую дальнюю дорогу? Они обещали вернуться дней через двадцать пять – тридцать. Что ж приходилось ждать и добывать золото.

Между тем на поляну для торга стали съезжаться семьи эвенкил и ставить на поляне свои чумы.

Тропа, около которой стояла крепость и находилась поляна, на самом деле была довольно древняя. По ней эвенкил гоняли своих оленей к морю. Эти олени очень любят соль, вот их и гоняли к морю, где они пили морскую воду. В этот раз гнать к морю было почти некого. Оленей было мало. Было так же мало мужчин и молодых женщин и девушек. Многие меняли пушнину на чай и железо не для себя, а для того, что бы откочевать на запад или на юг, и там, у своих сородичей не пострадавших от нашествия чаучу, обменять на оленей.

Но у некоторых и оленей совсем не было. Олени нужны местным жителям для кочёвок, их очень редко режут на мясо. Если сидеть на одном месте без движения, очень быстро можно уничтожить дичь в округе и после умереть с голоду.

Поэтому я не очень удивился, когда ко мне пришли человек девять бывших рабов, с желанием здесь остаться. Их принимали в семьи, где лишились всех оленей и почти всех мужчин. Кочевать стало невозможно, поэтому решили заняться рыбной ловлей. Наших бывших рабов брали в этих семьях взамен убитых мужей. Эти люди в Поднебесной были рыбаками. Этим собирались заняться и здесь. Эвенкил занимаются рыбной ловлей, хотя это занятие и не основное, но на реках или озёрах. Море, такое богатое рыбой и разной другой живностью, местные жители боялись. Наши люди моря не боялись. Мне только не понятно как они сговорились между собой, не зная языка. А то, что они решили остаться, это как раз понятно: в Поднебесной сейчас беспокойно. И что бы заняться рыболовством, надо приобрести лодку, сети и прочее, даже имея шкурку лисы на руках, это сделать не просто. А здесь всё это давали даром и женщину в придачу, не молодую, но вполне способную к деторождению. А в Поднебесной, кто поручится за то, что с севера не придут варвары, соплеменники Уба и Чже и не отберут всё, а тебя самого не убьют или опять не отдадут в рабство? Здесь же всё более или менее спокойно, но очень холодно.

Я отпустил бывших рыбаков и бывших рабов, только попросил Кина хотя бы рассказать им о гарпуне айну – он у них какой-то особенный. Может быть, со временем, они научатся бить китов. А один кит – это гора мяса. Надолго хватит. Я не отвечаю за сохранность бывших рабов, даже если я их всех перекидаю в море, если возникнет такая необходимость, с меня никто не спросит. Потом, с крепостной стены я видел, как они по тропе спускались к морю. Они обрели новые семьи, а моя семья ждала меня в посёлке у реки Бай.

Дни тянулись. Мы перетаскивали золото и защиту в кожи пушнину на джонки, чтобы не терять время. Охотились на лосей, лесных коз, запасаясь мясом на обратную дорогу. Раньше-то покупали оленей.

Листья на деревьях стали желтеть, а воздух остывать, когда, наконец, появился Выкван с выкупом и товаром для обмена. Я вздохнул с облегчением – воля императора выполнена, скоро домой.

Выкван привёз немного золотых самородков, клыки морского зверя и бивни подземного зверя. Про слонов я, конечно, слышал, и, даже, один раз видел. А что это были бивни огромного слона, я не сомневался. У того слона, которого я видел бивни были не большие и бело-жёлтые. Эти же огромные, светло-коричневые. Правда, распиленные или обломанные. Выкван объяснил, что если их не распилить, то перевозить их на оленях довольно трудно. Я не слышал, что бы слоны жили под землёй. Я спросил об этом Выквана.

– Я никогда не видел этих зверей живыми. Но их всегда находили в земле. Я нарисовал слона, как мог.

– Похож?

– Да. Только он покрыт тёмно-бурой шерстью.

Каких чудес только не бывает в мире!

– А морской зверь? Действительно морской? И действительно огромный?

– Да, большой. Живёт у моря, в море только питается.

– У вас там полгода ночь, полгода день?

– Да.

– И на небе такие красивые сполохи?

– И это правда. Не всегда. Но случается.

И всё-таки мне не очень в это верится. Ночь полгода! Это всё рассказы. Но я не стал обличать Выквана в обмане, пусть всё это останется на его совести.

Обмен прошёл удачно, стороны разошлись довольные собою.

VIII

– Разлука с живыми, хуже, чем разлука с мёртвыми, – грустно сказал Чже, прощаясь с нами.

– И высокая гора не загородит солнце! – ответил Уба. – Всё возможно, пока оно светит!

Распрощавшись с Чже и его воинами, мы отправились к морю. Нашим охранником на обратный путь стал Уба и его воины. Бывшие рабы и десять охранников – меркитов погрузились на джонку Юй Сугэ, золото и прочий ценный груз вместе с охраной разместился на моей джонке.

Мы попрощались с двуглавой горой, похожей на спину верблюда.

У моря, справа от бухты, на юг тянулись свежее построенные землянки, покрытые дёрном, сушились, сплетённые из какой-то травы сети и пойманная ими рыба. Что ж бывшие рабы и их новые родственники обживаются и, уверен, будут тут жить долго и, со временем, и китов научатся добывать.

С отливом мы снялись с якоря, и взяли курс на юго-восток. На следующий день, под вечер на горизонте появились холмы пустынных лесистых островов. Прошли их и свернули на юг.

Погода портилась. Дул порывистый, холодный западный ветер. Рваные тёмные облака носились по небу. Днём потемнело как ночью. Разразился жестокий шторм. Гремел гром, сверкали молнии, ветер менялся с западного

на северо-западный. Потом он стал юго-западный, и джонка Юй Сугэ потерялась из вида. Большие я её не видел. Шторм разлучил нас. Сорвало парус на средней мачте и изрядно потрепало остальные.

Под утро ветер утих, и какое-то время был полный штиль. Вокруг расстилалось тёмно-синее море без каких-либо признаков берега. Потом подул слабый северный ветер. Поставили запасные паруса. Я приказал рулевому держать курс на юго-запад. Два дня полной неизвестности. Наконец, слева показалась узкая, тёмная полоска берега. Шли ещё полдня. Уба показал рукой на право:

– Там другой берег, господин.

Но я ничего не увидел, как я не приглядывался. Приказал матросу влезть на мачту. Долго он смотрел в сторону юго-запада, но ничего не увидел. Прошло какое-то время, и он закричал:

– Земля!

Значит, есть надежда, что мы не заблудились.

– У тебя зрение сокола, Уба! – сказал я весело.

– Нет, господин, – сказал он серьёзно, – там были птицы. Потом они улетели туда. Что там ещё могло быть?

Берега сближались. Ветер крепчал. Волны становились всё большие и большие. Джонка то взлетала на гребень огромной волны, то стремительно падала вниз в такую же огромную впадину. Откуда взялась скала в этой впадине – не понятно. Но она взялась и проделала в правом борту большую пробоину. Джонку кинуло влево, и она зарылась в волну, когда мы оттуда вынырнули, двух первых мачт как не бывало. Мы вошли в узкий пролив, волны успокоились. Но в джонку всё равно заливалась вода, даже при небольшом волнении моря. Команда вычёрпывала воду, степняки им помогли – опасность сближала. На одном парусе мы шли очень медленно. По берегам пролива тут и там с двух сторон светились точки костров местных жителей, нивхов, как пояснил Кин.

– Идём правее, господин, – сказал Кин, – я узнаю местность. Там должна быть Большая река.

– Далеко?

– Нет, не очень.

– Что ж, веди, если дорогу знаешь.

– Нет, дорогу отсюда я не знаю. Мы в этот пролив никогда не заходили.

Но местность, я думаю, узнаю.

– И что там?

– Там песок. Вытащим джонку на берег, попробуем заделать пробоину.

Кое-как свернули на запад, обогнув полукруглый остров. Стали прижиматься к берегу. Прилив помог нам двигаться, что было очень кстати с одним-то парусом.

– Дальше, дальше идём, господин, – говорил Кин, – там должно быть селение айну.

Наконец дошли до большого треугольного мыса напротив острова, делящего Большую реку пополам. Джонку выкинули на песчаную мель у восточного берега, закрепили якорями, во время отлива, она ляжет на грунт.

Селение айну находилось на западном берегу мыса. Откуда на следующее утро к нам пришли местные айну во главе со старейшиной, знакомым Кина. Он огорчил Кина, сообщив, что его отец уплыл дней десять назад.

Теперь купцы к ним придут только следующим летом. Я спросил у старейшины: «Растёт ли здесь бамбук?» Ответ получили отрицательный. Паруса изготовить оказалось не из чего. Чем и плохи путешествия на север – бамбук здесь не растёт. На юге же он встречается на каждом шагу.

Утром наши плотники занялись починкой джонки, а вечером я позвал на совет Ингэ, Уба, моего рулевого Лей Хэни и Кин, естественно, был рядом со мной.

– Повреждения оказались, – начал я, – не только у носа по правому борту, но и у кормы обнаружили приличную вмятину. Наши плотники, конечно, это заделают, но они не ручаются, что их заплатки выдержат сильный шторм. А штормов будет всё больше и больше. Кроме того, у нас нет двух матч с парусами, что тоже затруднит движение. Мачты, конечно, можно сделать и из сырого леса – до Поднебесной дотянем, но на них всё равно нет парусов, потому что нет бамбука. Я не могу поручиться, что мы выполним волю императора и доведём груз в целостности и сохранности. Поэтому предлагаю зазимовать здесь. За зиму, мы придумаем из чего сделать паруса, можем дожидаться купцов из страны вадзин, или встретить свои джонки, которые наверняка пойдут на север следующим летом.

– Нет, – возразил мне Ингэ. – Император ждёт золото в этом году, а не в следующем. Империя нуждается в войске, а войско нуждается в золоте. И позволит Чингисхан ждать год или два?

– Как Чингисхан может позволить или не позволить нашему императору, – возмутился я. И тут же подумал, что события последних лет именно так и позволяют думать. Если предки Ингэ – чжурчжени, сумели завоевать Поднебесную, то почему монголы Чингисхана не смогут это сделать. Ну да боги милостивы! Да помогут нам наши великие предки!

И Ингэ понял мои мысли:

– Золото и клыки морского и подземного зверя – это оружие, это войны, это надежда на победу. Нельзя здесь оставаться, надо выполнить волю императора.

– Каким образом?

– Так как мы не можем идти по морю, нам надо идти по реке.

– И куда мы придём по этой реке?

– Эту реку мы, чжурчжени называем Большая Чёрная река. Начинается она далеко на юге в горах Чанбайшань. В верховьях этой реки и её притока реки Стрелы стоят наши чжурчженские города. Там возьмём коней и проберёмся в Северную столицу.

– А я думал, – сказал Уба, – что это Чёрная Широкая река и начинается она у монголов, у тайчиутов. Может быть, это две разных реки.

– Нет. Чёрная Широкая река, это приток Большой Чёрной реки, но сейчас это не важно.

– Это так, – согласился Уба. – Чжурчжени наши друзья, по их земле мы пройдем, если, конечно, не говорить, что мы везём золото. Золото людей сводит с ума! И не важно, друг это или враг. Земли севернее Жёлтой реки наводнены облавными отрядами, мы можем сойти за один из них. Но между чжурчженями и Срединной столицей стоит Елюй Люгэ и его государство Ляо, населённое китайцами. Он отложился от Поднебесной и теперь он предан Чингисхану как пёс. Кроме того, китаи всегда были врагами чжурчженей. Разве не так?

– Это правда, – согласился Ингэ. – Но, думаю, другого пути нет.

– Моё дело охранять. Хорошо, мы доберёмся на джонке до верховий реки, найдём коней. А дальше? Скажи мне, Лей Хэни, ты хорошо сидишь в седле? А команда? Ведь если мы встретимся с воинами Елюй Люге или Чинхисхана, то единственный способ остаться в живых, это ускакать от них. Конечно, с десятком воинов мы справимся. С двумя десятками – как Господь решит. А если встретим полсотни, если не ускачем, то это точно гибель. И ещё. У нас должно быть восемь вьючных лошадей под золото и кость. А это затрудняет бегство. И ещё. Сколько дней пути от верховьев реки Стрелы до Срединной столицы?

– Три тысячи ли ¹⁶ – ответил Ингэ.

– Я это не понимаю. Сколько дней пути?

– Дней пятнадцать, может быть меньше, как торопиться будем.

– Торопиться будет сложно. У нас будет восемь вьючных лошадей и двадцать человек, которые плохо держатся в седле. Дней двадцать будем ехать по вражеской земле. А это опасно.

– Другого пути, я думаю, нет! – ещё раз твёрдо сказал Ингэ.

– Восемь лошадей, это хорошо. Восемь – это «благополучие». Но, должен сказать, что «того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности», так говорил великий учитель Кун, – примирительно сказал я и приказал Кину привести сюда старейшину айнов, чтобы узнать от него по подробнее о Большой реке. И ещё я сказал, что отдам старейшине свой шёлковый халат и железный топор, если он придёт и всё расскажет.

И старейшина айнов оказал нам честь и пришёл, и пришёл не один. С ним был человек народа нанай по имени Дзэвэ. Народ нанай живёт по берегам Большой реки на всём её протяжении. И он подтвердил, что она действительно течёт с юго-запада, хотя перед морем и делает петлю на север. Я спросил его:

– Слышал ли ты, Дзэвэ, о реке Стрела?

– Да – ответил он. – Но это далеко.

– Как далеко?

– Очень далеко. Много, много дней пути отсюда. Дней тридцать – тридцать пять, если грести без отдыха. Оттуда, с её верховьев приходили люди торговать с нанай. Но уже года два как они не приходят.

Ингэ посмотрел на нас победителем.

– И не придут, – сказал я. – Там сейчас война.

– Что такое война? – спросил Дзэвэ.

Пришлось объяснять, что такое война. Война, это когда один народ идёт на другой народ, чтобы его покорить или уничтожить.

– Зачем? – по-прежнему не понимал Дзэвэ. Нет, у местных жителей, конечно, были стычки между собой, по разным причинам, и, даже, доходило до убийства, но что бы уничтожить друг друга, такого никогда не было.

– Дзэвэ, – сказал я, – посмотри на нашу джонку и скажи, пройдёт ли она отсюда до верховья реки Стрела?

– Видел я вашу большую лодку, – ответил он. – Пройдёт. Только как вы грести будете?

¹⁶ Одна тысяча пятьсот километров.

Это был хороший вопрос. Я входил в реки только во время приливов. А тут всё время придётся двигаться против течения.

– Можно разобрать джонку, – подал свой голос Лей Хэни, – уменьшишь её борта и идти, отталкиваясь от дна шестами, а при попутном ветре под парусом. Река очень большая!

– Да, так можно ходить, – одобрил Дзэвэ.

– А какие берега у Большой реки, – спросил я его. – И бывают ли на реке большие волны?

Он ответил, что берега в основном болотистые, горы иногда подходят к воде, но в основном Большая река течёт по равнине, как и река Стрела, а волны, конечно же, бывают, но не такие как на море.

– Откуда ты это знаешь, Дзэвэ?

– Моя деревня стоит недалеко от устья реки Стрела, – был ответ.

– И ты можешь пойти с нами?

– Могу пойти с вами, если вы мою лодку поместите в свою большую лодку.

– Конечно, Дзэвэ. И, даже, подарим тебе что-нибудь ценное.

Я был рад, что мы имеем возможность добраться до верховья реки Стрела, до чжурчженских городов, но три тысячи ли по вражеской земле внушали опасения. И Уба ещё сказал, что лошадей будет не восемь, а гораздо больше. Восемь лошадей, это только под вьюки для золота и драгоценной кости. Это всё увеличивало опасность, но другого выхода я не видел, надо было рисковать. «Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту», – сказал когда-то учитель Кун и я повторил это за ним.

На следующий день мы начали готовить джонку для похода по реке.

IX

Мы шли вверх по Большой реке недалеко от берега, отталкиваясь шестами от дна. Работа была утомительна, команда недовольно ворчала. Дзэвэ был прекрасным лоцманом: он знал все мели на реке, все острова, протоки и другие препятствия. Без него нам было бы тяжело. Днём шли, ночью отдыхали. Команда ночью спала как убитая. Иногда поднимался попутный ветер, давая отдых команде на несколько дней. Река не просто большая – огромная! Противоположенный, южный берег лежал на горизонте тонкой чёрной полоской. Была бы джонка в целости, то можно бы было идти под парусами, как в море.

Оказалось, что Дзэвэ знает чжурчженский язык. И Лей Хэни, наш рулевой, его знал тоже, что упрощало их общение и, соответственно, продвижение по реке. Как оказалось, мать Хэни была из народа чжурчженей.

Дзэвэ небольшой коренастый человек с чёрными глазами с хитринкой, острый на язык, на счёт слов не задумывался ни на миг, на всё у него был ответ. И храбрый. Видел, как он в прыжке ударил кулаком нашего охранника в скулу. Тот в бешенстве потянулся за саблей. Еле растащили. Хорошо, что у меня была мелкая серебряная монета, которую я и всунул в руку воину, что бы тот поскорей забыл обиду, нанесённую нашим проводником.

Поселения местных жителей встречались редко. Сами же местные жители нам были рады. Они приглашали нас к себе, расспрашивали нас: кто мы, откуда, где были, куда и зачем идём, и когда придут к ним для

торговли люди с юга. Местные, как и жители Поднебесной верили в драконов и рассказывали нам всякие страшные истории. Дзэвэ рассказал нам, что если кто из его соплеменников упал в воду и стал тонуть, то его не спасали, считали, что утопленник – это жертва водяному дракону. Говорили, что пускай лучше утонет один, чем разгневанный дракон прогонит целый посёлок с насиженного места и погибнут люди. Я спросил его:

– Дракон хоть кого-нибудь прогонял?

Он ответил, что прогонял, но это было очень давно, ещё во времена его прадеда и не с их поселением.

– Каким образом? – спросил я.

– Было очень сильное наводнение. Погибло очень много людей.

Незадолго до поворота на юг по реке Стрела, рано утром, видел, как Дзэвэ разговаривал с каким-то человеком, сидящим верхом на олене. Я спросил:

– Кто это?

– Сосед. Эвенкил. Их стойбище отсюда не далеко.

– И по всей Большой реке царит мир?

– Да. Нам нечего делить. Леса огромные, река – большая. Места много, на всех хватит. Конечно, между людьми ссоры бывают, но между посёлками, родами или племенами – нет. Эвенкил на оленях охотятся, далеко в лес ходят. Мы у воды сидим, в лес далеко не ходим. Да у нас всё от Реки, даже одежда из рыбьей кожи. Ты видел, какие у нас рыбы водятся.

Да, действительно, не давно поймали огромную рыбу длиной в три бу¹⁷, но Дзэвэ сказал, что такие рыбы бывают и большие. Рыба похожа на нашего осетра, только очень большая¹⁸ и шипы на спине, как у дракона. Уж до чего степняки презирают рыбу, но здесь и они были восхищены.

– У эвенкил сейчас гостит шаман по имени Белая Сова. А у вас два человека больны. Он может вылечить. Но сначала надо будет убить медведя и подарить его шаману. Договариваться?

– А сами эвенкил убить медведя боятся?

– Нет, хотя это и опасно. Медведь – животное священное. Потом надо будет делать обряд очищения, что бы дух убитого медведя не преследовал стойбище. А вы чужие. Вы убьёте – вы и отбивайтесь сами от духа, если его, конечно, не боитесь.

– Не думаю, что бы степняки кого-то боялись.

– Так договариваться с Белой Совой?

– Договаривайся.

Белая Сова не самое лучшее имя, белый цвет – цвет скорби, но я разрешил, у нас действительно два человека болели: один член команды и один охранник-татарин.

Уба охоте на медведя даже обрадовался, сказав, что никаких духов он не боится и медвежьих тоже

Мы устроили днёвку.

Утром, я, Уба, Ингэ, Кин, часть команды и Дзэвэ вместе с охотниками – эвенкил с собаками пошли искать медведя. Но нашли стадо кабанов. Один большой кабан с огромными клыками громко хрюкнул, и стадо с визгом и

¹⁷ Четыре половиной метра.

¹⁸ Рыба эта сейчас называется калуга.

тревожным похрюкиванием понеслось в сторону от нас, не обращая внимания на собак, а сам он бросился на нас. Путь ему преградил Кин, со своим странным мечём. За миг до столкновения с кабаном, он отскочил в сторону и рубанул мечом по кабану. Меч застрял в туше кабана и был вырван из рук Кина. Но кабан и сам зарылся мордой в землю и затих. Это было великолепно!

– На вашем острове есть кабаны? – спросил я его.

– Да, – был ответ.

– И на них там так охотятся?

– Откуда я знаю? Я родился у моря и больше охотился за морскими зверями.

– Зря убили кабана, – прервал нашу беседу Дзэвэ.

– Почему? – удивился я.

– Старый. Мясо у него жёсткое, не вкусное.

Наши люди унесли кабана на джонку и действительно, как потом оказалось, мясо у него было жёсткое и не вкусное. Зато у Кина появилось ожерелье из кабаньих клыков, которое ему сделал Дзэвэ.

Вскоре собаки эвенкил нашли медведя. В небольшой ложбинке медведь ревел и отбивался от наседавших от него собак. Уба вышел вперёд, спустился в ложбинку и встал по ветру, опёрся на копьё, стал ждать. Но медведю было не до человека. Эвенкил отозвали собак. Зверь почувал нового врага и пошёл на него.

– Это плохо, – сказал Ингэ, – что он так идёт.

И с этими словами он поднял с земли первую попавшуюся корягу и швырнул её в медведя. Попал в нос. Медведь обиженно заревел, замотал головой и встал на задние лапы – бесстрашный и гордый. Уба улыбнулся и, выставив вперёд копьё, стал ждать зверя. Дальше всё произошло довольно быстро. Медведь махнул правой лапой, но Уба под левую лапу сунул копьё, а сам быстро упал и покотился по земле, быстро поднялся в двух шагах от зверя. Медведь издал страшный рёв и стал падать, налегая тяжестью тела на копьё. Копьё упёрлась в землю, но не сломалась, а пронзила зверя насквозь. Медведь упал, стал царапать лапой землю, из пасти пошла кровь. Вскоре он затих.

Эвенкил достался крупный зверь, они смотрели на Уба с восхищением.

– Ты, наверное, с детства так бьёшь медведей? – спросил я его.

– Я что, меркит какой-нибудь? – с возмущением возразил Уба. – Я степняк! Откуда в степи медведи? На севере научился.

– Меркиты научили?

– Они.

Вечером на берегу реки появился шаман, разжёл костёр. Одет он был в очень длинную рубаику, раскрашенную узорами, обвешенную амулетами, на голове была надета широкая лента с синей полосой, за которой были воткнуты перья совы, в руках у него был бубен, похожий на щит, он сужался к низу и походил на огромное плоское яйцо, тоже украшенный какими-то знаками.

Больных положили с двух сторон костра. Шаман закружился вокруг костра, забил колотушкой в бубен, что-то выкрикивая, наверное, заклинания. Потом упал на землю, забился в судорогах, изо рта пошла пена и он затих. Мне показалось, что он умер. Но это было не так. Через некоторое время он встал, помахал над больными совиным крылом, что-то бормоча про себя.

Лечение было окончено. Шаман Белая Сова приказал всем удалиться, кроме меня, Уба, Ингэ, Лей Хени и Дзэвэ.

Мы сели с одной стороны костра, Белая Сова с другой. Он дал нам выпить из деревянной миски местный пьянящий напиток. Мы, каждый по очереди, отпили по глотку из миски. Белая Сова тоже сделал большой глоток, а остатки вылил в костёр. Он долго смотрел на нас, прикрывая рот крылом совы, потом раздался его голос на языке жителей Поднебесной:

– Я путешествовал в страну духов, и они мне повели вот что: в большой лодке живёт Злой Красный Дух, жаждущий крови. Он пришёл с севера. Он охраняет то, что вы везёте, и очень хочет крови. А кровь и смерть ждёт вас далеко на юге. Оставайтесь здесь! Здесь будет тихо и спокойно.

– Как в могиле! – воскликнул Уба на том же языке. – Степняк рождается ради войны, живёт для войны и умирает на войне!

– Мне не понять, зачем вы охотитесь друг на друга? Какой в этом смысл? Но Красный Дух хочет крови.

– И он её получит! – сказал керейт. – Уверяю тебя, Белая Сова.

– Но он может убить вас! Что вас гонит идти на смерть?

– Умирать всё равно когда-нибудь придётся, но если наш бог Иса не захочет, то ничего не будет раньше времени! – возразил Уба.

– Да, – сказал шаман, – есть такой Великий Дух. Если он за вас, то я бессилён, а вы сильны. Зачем же вы просили помочь меня вылечить ваших больных? Если вы такие могучие?

– У нас здесь нет священников, и наши молитвы, не всегда достигают бога Ису, к тому же эти двое в него не верят.

На этом общение с шаманом эвенкил закончились.

– Это чаучу наслали на нас злого духа нам на погибель, – сказал Ингэ.

Настроение у всех было подавленное, один только Уба смотрел вперёд гордо и не зависимо – он ничего не боялся – уж очень он верил в своего бога-креста.

– Как ты хорошо говорил с Белой Совой на моём языке, Уба, – сказал я. Он посмотрел на меня удивлённо и сказал:

– Я говорил с ним на своём языке.

– А мне показалось, что вы говорите на моём языке, – сказал Ингэ.

– Белая Сова с вами вообще не говорил, – поведал нам Дзэвэ. – Говорил с вами Дух, который помогает шаману. Говорил мысленно. Вот мы и слышали каждый свой язык.

Всё это очень удивительно!

На следующий день мы пошли дальше, наши больные вскоре выздоровели.

Дни тянулись за днями. Горы вдали стали пёстрыми от разноцветных листьев. Начало осени.

Наконец, подошли к излучине Большой реки в то место, где в неё впадает река Стрела. Там так много островов, проток, что если бы не Дзэвэ, то нам довольно таки трудно бы было найти устье реки Стрелы. Река Стрела текла с запада, потом свернула на юг, но я бы не сказал, что она прямая как стрела, и для меня загадка, почему её так назвали.

Где-то здесь недалеко был посёлок Дзэвэ.

Х

Мы два дня шли по реке Стрела. Утром третьего дня меня разбудил Уба.

– Они ушли, господин.

– Кто? – не понял я.

– Дзэвэ, Лей Хэни и вся команда. Испугались Красного Злого Духа.

Я не сразу понял, что произошла катастрофа.

– А стража?

– Проспали. Виновных – казним.

– И с кем мы останемся? Плёткой отстегай и хватит с них.

Нас осталось: двадцать воинов охраны, Уба, Ингэ, Кин и я. Всего двадцать четыре человека.

Охрану, конечно, винить было трудно. Её можно было вообще не выставлять. Это Уба настоял, для поддержания дисциплины. Внешне нам ничего не угрожало: безмятежная, спокойная река, мирное местное население, звери нас сами боялись. Бдительность была потеряна. Но и такого от команды джонки никто не ожидал!

Учитель Кун говорил: «Я не понимаю, как можно иметь дело с человеком, которому нельзя доверять? Если в повозке нет оси, как можно на ней ездить?» И это правильно. Дзэвэ производил впечатление хорошего, честного человека, он мне сразу понравился. Но я мог ошибиться. Но Лей Хэни! Я его знаю шесть лет. Сколько мы с ним вместе пережили?! Конечно, мы не равные по положению, но я считал его почти другом и доверял безоговорочно! И такая подлость! Такое предательство! Понять их можно – они спасали свою жизнь. И Красный Злой Дух тут не причём! В Поднебесной сейчас не спокойно. Придут войны Чингисхана, и они потеряют свои семьи и свою жизнь или свободу. А поступив так, как они поступили, они теряют только свои семьи. То, что наш император одержит победу над грозным степняком, верили не все. Что очень прискорбно! Не веря в победу – нельзя победить! И почему ко мне такое не доверие? Если бы Лей Хэни попросил его с командой отпустить, неужели бы я не отпустил? Дошли бы до верховьев Стрелы и простились бы! Зачем же делать всё по тихому и так подло? Боялись, что и в верховьях Стрелы уже война? Всё равно – подло! И очень обидно. Я подумал, что, может быть и Юй Сугэ не пропал без вести в Северном море, а попросту сбежал? Поселился где-нибудь среди айну на Северном острове, который айну называют Земля Бога Устья или на Эдзо и забыли Поднебесную а, заодно и свои семьи. А что? Местные жители очень милые и гостеприимные люди. Потом, поделившись этими мыслями с Кином, я узнал, что всё не так просто. Что у местных жителей жизнь однообразная, скучная, события в ней случаются редко, и, поэтому, они с удовольствием принимают гостей. Гости рассказывают им о своих странах, о приключениях, случившихся с ними в пути. Это развлекает местных дикарей, вносит разнообразие в их жизнь. Но если пришельцы решили поселиться рядом с местными, то местных это вряд ли обрадует. Местные прекрасно понимают, что если у пришельцев нет своих женщин, то они рано или поздно захотят отнять их, и отнять именно у них, потому, что больше не у кого. А женщины, как они считают, это единственное

их богатство. Есть женищины – рождаются дети, живо племя. Поэтому местные жители постараются как-то избавиться от пришлых, отправить куда-нибудь подальше, лучше всего в земли своих врагов, и это, в лучшем случае или убить – в худшем.

Отвлекись от своих грустных мыслей, я спросил:

– Что-нибудь пропало, Уба?

– Надо смотреть, господин.

Разбудили Ингэ, доверенное лицо казначейства императора, всё проверили. Ничего не пропало. Да и зачем им здесь золото и драгоценная кость?! Дзэвэ оставил нам свой челнок, зато взял два топора. Молодец! Я обещал ему только один.

– Ушли пешком, – пояснил Ингэ. – В одну лодку они всё равно все бы не поместились. Им топоры нужнее, чем лодка, поэтому Дзэвэ поменял свою лодку на наши топор. Всё по-честному. Лодка и топор в этих местах одинаковы по цене. Дзэвэ поступил честно.

Проснулись воины. Узнали в чём дело, отхлестали нерадивых стражей, но настроение это не улучшило. Оно было очень подавлено.

Я обратился к ним с речью:

– Что ж, у нас выбор не большой. Или мы остаёмся здесь или выбираемся отсюда. Кто хочет остаться здесь, пусть сразу скажет!

Ответом мне было угрюмое молчание.

– Славные степные воины! Я понимаю, что вам всё это не привычно. Но нам надо добраться до верховий реки! До чжурчженьских селений! Там мы добудем лошадей, что бы продолжить путь!

– Господь нам даёт то испытание, которое мы можем вынести! – поддержал меня Уба.

Спорить с этим утверждением никто не стал, хотя в Бога-Креста верило только одиннадцать человек, то есть одни керейты.

Я встал у руля, Ингэ прокладывал курс, то есть стоял на носу джонки и высматривал препятствия и сообщал мне о них. Плохо нам было без Дзэвэ!

– Ты знаешь эти места, Ингэ?

– Нет. Я родился далеко отсюда, на южном берегу большого озера. Но про эти места слышал.

С огромными трудностями мы прошли участок реки в этот день.

Вечером я спросил Уба:

– Что это за Бог такой, которому ты всё время молишься? Который посылает нам испытания? Мало того, что злые духи нам вредят, так ещё бог посылает испытания. От Бога ждут помощи, а не испытаний.

– Разве я смеюсь над твоими богами, господин? Богов, которых так много, что не понятно, кто за что отвечает. И если возникнет надобность в них, непонятно, кого просить? Почему ты так не почтителен к моему Богу?

– Я просто спросил, Уба. Твой Бог, как я понял, отвечает за всё?

– Да. И кто в него верит, воскреснет из мёртвых, когда придёт конец мира! Ты не воскреснешь, господин.

– И не надо. Я после смерти стану духом и буду помогать своим потомкам. Хотя учитель Кун говорит: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем ещё, что такое жизнь?»

– Те, кто верят в моего Бога, так не считают. Но я спорить не буду.

– Прекрасно! Просто расскажи о нём.

– Я не священник.

– Что-то ты знаешь?

– Конечно.

– Тогда рассказывай.

– Хорошо, слушай. Когда-то, очень давно, далеко, далеко на западе жил один праведный человек по имени Иса.

– Что значит праведный?

– Который ничем не оскорблял и не огорчал Бога. Однажды, когда он зашёл в священную реку и три раза окунулся в святую воду, на него сошёл Дух Божий, и он стал Богом и Человеком одновременно. Он много проповедовал, говорил всякие мудрые мысли, как твой учитель Кун. За это и пострадал. Его долго пытали, потом убили на кресте. Но Бог воскресил Его на третий день. Этим Он показал, что все люди, которые верят в Него, воскреснут! Все, кто в Него верят, молятся кресту и накладывают на себя крест, когда, чего-нибудь просят или благодарят Его. А испытания даются, что бы человек подтвердил свою веру в Него.

– А так он не верит? Жизнь слишком тяжела для того, что бы её утяжелять испытаниями.

– Нам дана свобода воли, господин, – усмехнулся керейт. – Мы можем грешить, а можем не грешить. Что у нас в голове никто не знает, и Бог тоже. Поэтому и даёт человеку испытания на крепость в его вере. Если бы мы знали, что в головах у Лей Хэни и у остальной команды всё было бы сейчас по-другому. Но, думаю, что это слова Белой Совы о Красном Духе, что жаждет крови, подтолкнули их к бегству.

С этим я полностью согласился.

Мы продвигались всё дальше и дальше. Берега становились всё уже и уже, но река всё ещё была широка, хотя с Большой рекой её не сравнить.

С востока к воде приблизились горы.

Здесь и случилось несчастье.

Мы засмотрелись на лесных коз, которые огромным стадом, нескончаемым потоком, как нам казалось, переходили реку, отвлеклись, и, случайно забрели в протоку между восточным берегом и островом, наскоки кормой на камень, влезли на него, нос джонки стал медленно поворачиваться по течению, а сама она стала ложиться левым бортом на воду.

Крик отчаянья вырвался у меня!

Мы лихорадочно стали разгружать джонку. И, хвала предкам, успели.

Мокрые и усталые мы стояли и смотрели, как наше судно запрудило протоку и вода, переливаясь водопадом через неё, с треском стала рушить джонку. Скоро всё было кончено! Обломки нашей джонки поплыли к Большой реке.

– Вот ещё одно испытание! – сказал я и посмотрел на Уба.

Он пожал плечами и очень спокойно сказал:

– Всё в Его руках.

– Это духи разгневались на нас! – сказал расстроившийся Ингэ.

– Духи или кто – это не важно, – сказал я, – но надо что-то делать.

– На себе мы всё не унесём, – со слезами в голосе скал Ингэ.

– Да мы и не вьючные лошади, – мрачно сказал керейт.

– Тогда надо решать – что делать? – сказал я.

Для начала Уба приказал своим людям разбить лагерь здесь на берегу.

– Надо дойти до ближайшего города или селения, купить там лошадей, вернуться, забрать всё и пробираться в Северную столицу или, что лучше, в Среднюю, в Чжунду, – сказал Ингэ.

– А это? – я показал на разбросанные по берегу сокровища.

– Оставим здесь. Кому они нужны? – безразлично сказал чжурчжень.

Эти слова было удивительно слышать из уст доверенного лица казначейства.

– Никогда нельзя терять веру в себя – плохо будет, – сказал Уба. – И унывать никогда нельзя! Это грех!

С этим я полностью согласился и сказал, что драгоценный груз надо надёжно укрыть во избежание каких-либо случайностей и оставить охрану, потом подняться вверх по реке, купить лошадей, вернуться и забрать золото.

– Охрана здесь не останется! – сказал Уба. – Нас слишком мало, что бы разделяться.

И в этом он был прав.

– Тогда, надо спрятать сокровища. Спрятать надёжно.

– И нарисовать, где спрятали, – сказал Ингэ. – На всякий случай.

Утром Ингэ ушёл на челноке Дзэвэ искать место, где можно было спрятать сокровища. Через два дня он вернулся. Два дня мы с ним перевозили золото и всё прочее в потайное место. На двух дощечках, я нарисовал, где мы спрятали груз с подробным описанием места. Одну дощечку я оставил у себя, другую отдал Ингэ. Взяли с собой четыре цзинь и четыре лян¹⁹ золота на дорожные расходы. Около устья маленькой речки, вверх по течению, которой мы спрятали золото императора, татары сложили из речных камней конус в пол роста человека, что бы это место легче было искать, когда мы вернёмся. А если не вернёмся, то другим, что придут за золотом будет проще искать его.

XI

На следующий день мы переправились на западный берег реки Стрела.

Я переправлялся последним. Как с родным человеком прощался с обломками моего корабля. Слёзы навернулись из глаз. Степняки понимающе, молча, ждали меня. Наконец переправился и я.

Отсюда началось наше пешее путешествие на юг. Степняки несли на себе только оружие, провизию и шкурки пушных зверей, добытых ими на севере. Свою добычу оставлять на берегу Стрелы они отказались.

Ходоки из нас были плохие. Так далеко ногами никто из нас не ходил, все или ездили на лошадях или плыли. Было очень тяжело, но мы упорно продвигались на юг.

Лес светлел, теряя листву. Ночи стали холодными.

На двадцатый день пешего перехода мы подошли к земляным стенам, окружённого полями, чжурчженьского посёлка. Мы разбили лагерь на самом краю поля, на опушке, в тени леса, чтобы не привлекать к себе не нужного внимания. Ингэ и Уба пошли в город покупать лошадей и сбрую. К вечеру они пригнали тридцать две лошади и две телеги со сбруей. Степняки обрадовались лошадям как жёних невесте: ласкали их, шептали что-то им на ухо,

¹⁹ 2 кг. 200 гр.

гарцевали, гордо сидели в седле и улыбались не понятно чему. Не войны, а дети малые. С другой стороны, что с них взять? Дикари! Варвары! Северные варвары.

– Как ты держишься в селе, господин? – спросил Уба.

– Постараюсь не упасть, – ответил я. – Если беменных скачек не будет, то шагом на лошади я – удержусь.

На лошади я ездил редко, палуба джонки мне привычней.

Снятся с лагеря, решили ещё до рассвета. В предрассветных сумерках двинулись на север за оставленным золотом.

Китаи появились неожиданно. Несколько воинов выехали нам на встречу и тоже остановились в растерянности, не понимая, кто мы и откуда, свои или чужие. Уба выстрелил первый своей свистящей стрелой. За ним выстрелили и наши войны, несколько китаев упали с сёдел. Мы развернули лошадей, началась погоня. Я лежал на шее лошади, вцепившись в гриву, и молил предков, что б только не упасть!

На востоке всходило красное солнце. Мы промчались мимо города. Часть наших преследователей свернула к городу. Там раздались отчаянные и горестные крики жителей, застигнутых врасплох китаями. За нами гналось не больше сотни. Под нами были отдохнувшие, сытые кони, мы всё больше и больше отрывались от преследователей. Я надеялся, что Ингэ знает, куда нас ведёт. Свернули направо, в ущелье между отрогами гор, в надежде, что нас не заметят. Заметили. Мы понеслись вперёд. Ущелье не имело выхода. Перед нами высился довольно отвесный склон, усеянный мелкими и крупными камнями. Наши войны спрыгивали с сёдел, хватались левой рукой за хвосты лошадей, а правой плётками стали бить лошадей по крупу. Кони как горные козы стали взбираться по склону, таща на хвостах своих седоков. Выючных лошадей пришлось бросить.

– Я так не умею!

– Тогда тебе, господин, надо научиться, прямо сейчас, – сказал Уба, – или погибнуть.

Я подумал, что так и так погибать и смерть от китайской стрелы не лучшие смерти от падения. Я плохо помню, как очутился на вершине. Привёл меня в себя удар копытом в плечё – мой конь, мной был явно не доволен, я не отталкивался ногами от камней, помогая коню, как делала наша охрана.

Китаи хотели было повторить наше восхождение, но наши войны стали стрелять по ним из луков, и те были вынуждены отказаться от своих намерений. Погоня прекратилась. Наши выючные лошади и часть золота достались китаям.

Мы стали спускаться с западного склона хребта, ведя лошадей в поводу. Спустились в долину и повернули на север. Ингэ уверял, что эта долина выведет нас прямо к реке Стрела, минуя город.

Поворачивая вместе с долиной на восток, уже под вечер мы опять столкнулись с китаями. Они сидели у костров и их лошади по степному обычаю были привязаны к их поясам. В погоню за нами китаи собрались быстро. И опять мы поскакали на юг, отстреливаясь, надеясь, что темнота укроет нас от погони. Так оно и получилось. В той, первой погоне, мы потеряли выючных лошадей и трёх человек. В этот раз мы потеряли ещё одного человека, а вторым стал Ингэ. Это была самая тяжёлая потеря! Он умер у нас на руках, когда мы уже оторвались от погони. Умирая, он всё

силится чего-то сказать, но не сумел. Мы так и не узнали, что он хотел нам сказать.

– Как его хоронить? – ни к кому не обращаясь, сказал я вслух. – Он верил в Будду.

– Я думаю, как и кереита, – сказал Уба. – Иса был праведным человеком, и Будда был праведным человеком. И оба учили людей жить праведно. Будда был принцем, а Иса был древоделей, но оба хотели спасти всех людей. И оба вознеслись на небо! Поэтому, если мы похороним Ингэ по нашему обычаю, то Будда не обидится, а Ингэ – тем более.

Я с ним согласился.

Саблями вырыли для Ингэ могилу и положили его головой на запад. Могилу завалили землёй и камнями. Кину отдали лук, колчан и саблю Ингэ. Кин расстрогался до слёз.

– Что будем делать, господин? – спросил Уба. – Нас осталось в девятнадцать.

– Надо пробиться к золоту.

– К золоту мы, может быть, и пробьёмся, но где мы возьмём выючных лошадей?

– Отбить у китаев?

Уба задумался.

– Добраться до Срединной столицы – тяжело, – после раздумий сказал он. – А добраться до золота, да ещё у китаев и лошадей увести, думаю, что не возможно. Мы все погибнем, и где находится золото, император никогда не узнает. Отобьётся от Чингисхана, на следующий год будет с золотом.

– А если нет? Это золото и нужно для войны.

– Если Родина в опасности, твои земляки могут выковать оружие и бесплатно, а воевать уж – тем более.

– А вы?

– У нас свои счёты. И честь воина! А это не пустые слова!

Что же решение надо было принимать мне. Понятно, что Елюй Люгэ, отложившись от Поднебесной со своими китаями и создав своё государство Ляо, теперь подчиняет отрезанных от метрополии чжурчженей и, за одно, делает свой тыл безопасным. Да и увеличение дани не лишнее. Конечно, дань он будет собирать в пользу Чингисхана, но жить у реки, да не напиться? Тучи над Поднебесной сгущаются – китаи вместе с монголами пойдут на Срединную столицу – Чжунду, тем более что Елюй Люге в спину подталкивает Кэтэгэ, ставленник Чингисхана. На север, к золоту нам не пробиться, значить надо идти на юг, к своим. Отобьёмся от монголов, на следующий год император соберёт и отправит на север три джонки, две как обычно, а одну за оставленным нами золотом на реку Стрела, и будет у него золота за два года, но гнева царствующей особы нам, конечно, не избежать, но будем надеяться, что разум образумит императорский гнев.

Мы двинулись на юг. Вначале по чжурчженским владениям. За нами, отстав на два дня, шла армия китаев. На севере земель подвластных империи Цзинь не осталось!

XII

Начались владения китаев, страна Елюй Люгэ – Ляо. Первое, что сделала наша охрана на уже вражеской территории, так это ограбила небольшой кочевье. Мы с Кином переоделись в одежду китаев, чтобы не бросалась в глаза наша одежда, одежда жителя Поднебесной и одежда вадзин. Теперь мы стали похожи на северных варваров, осталось только перебороть брезгливость и научиться пить молоко. Мы решили выдавать себя за отряд монголов, который зачем-то едет на юг. Зачем – мы не объясняли, да нас и не спрашивали. Как оказалось позже, единственными в степи, кто не знал где находится Чингисхан, были мы. Чингисхан был на юге, как раз там, куда мы направлялись.

В начале зимы мы добрались до земель Срединной империи. Хотя это всё очень условно. В это время от Поднебесной откалывались огромные куски. Правители земель объявляли себя ванами, то есть независимыми царями и тут же присягали на верность Чингисхану. Впрочем, северные земли Поднебесной давно были беззащитны, ещё со времени сражения в Сюаньдэфуской долине два года назад, где наши войска – увы! – потерпели поражение. По всей территории безнаказанно хозяйничали облавные отряды монголов. Нас принимали за один из таких отрядов.

А нам главное было, не наткнутся на такой отряд. Но что боишься – то и случается. Наткнулись!

Они вышли из оврага, перемётные сумы воинов были переполнены, каждый тянул за собой по две – три вьючные лошади, тюки на которых были подвязаны кусками дорогих шёлковых тканей. Было их человек пятьдесят.

Хорошо они погуляли по Поднебесной! Сколько городов сожгли и ограбили! Наполнили дороги Поднебесной тысячами нищих!

– Почему люди Поднебесной просят милостыню у своих врагов, – допытывался у меня Уба, – а не сражаются с ними? Почему кереиты, татары, меркиты и другие племена монголов защищали свои кочевья от воинов Чингисхана совершенно бесплатно?

Что я мог ответить на это? Может быть, то, что жители Поднебесной мирные люди, а северные варвары воины с рождения? И воюют ради войны?

Уба приказал нашим людям не останавливаясь, пересечь путь встречному отряду.

– Это чonos! – сказал он мне, указывая на отряд. – По-вашему – волки.

– Это важно?

– Нет, но у меня с ними были стычки в прошлом году. Один из их командиров знает точно, что я служу императору. А вот и он!

К нам подъехал типичный монгол. Чем он отличался от других монгольских племён, я не знаю, но, наверное, отличался, если Уба увидел в нём, представителя племени чonos, может быть, какие-то детали одежды? Он приветствовал нас. Вглядевшись в лицо Уба, на его собственном лице появилось выражение удивления.

– Увар-нойон? Что ты здесь делаешь? Ты уже не служишь Алтан-хану²⁰?

– Нойон всегда кому-то служит, Гэнду, – уклончиво ответил Уба. – Это не старые времена, когда нойоны были вольные.

– Это, правда! Я служу Мухали. А ты?

– А я всем понемногу, – сказал Уба и объехал любопытного монгола.

– То есть никому?

– Почему? А Чингисхан? Он же над всеми! Мы спешим очень. Прощай, Гэнду!

– Прощай, Увар, – растерянно произнёс Гэнду.

Мы уже отъехали на значительное расстояние, как услышали за спиной голос Гэнду:

– Стой! Стой, Увар-нойон! Я приказываю тебе ехать к моему господину, к Мухали!

– В другой раз, Гэнду! – крикнул в ответ Уба. – Я черби²¹ у Тулуя! Мне некогда! У меня особое задание!

И мы взмахнули плётками, пуская коней в галоп. Началась погоня. Но лошади у чонос были усталыми и нагруженными тяжёлыми перемётными сумами, погоня отстала.

– Кто такой Тулуй? – спросил я.

– Сын Чингисхана. А Мухали, подручный Чингисхана, руководит его войсками в восточных провинциях Поднебесной.

– Это я знаю.

– Только, я думаю, Гэнду про Тулуя не поверил. Я, то одно сказал, то другое. Как тут поверишь? Теперь нас будут искать, господин, по всей степи до самой Срединной столицы.

– Это плохо.

– А я говорил. Торопиться надо. Но при этом быть очень осторожным. Уба выслал двух воинов, назад в дозор. И выставил охрану. Но нас слишком мало. Ночь прошла тревожно. Снег. Холод.

Утром прискакал дозор, коротко сказал:

– Идут.

Замёрзшие войны спокойно, без суеты оседлали лошадей. Сделали крюк, видели из засады, как мимо нас промчалась полусотня чонос. Пошли по их следам, но там, где они свернули, мы понеслись прямо. Начались обычные степные игры в прятки-догонялки. Но от этих игр, от всего этого перехода, у нас с Кином, не привычных к седлу, было отбито всё, что можно отбить, и стёрто, всё, что можно натереть. Степнякам-то что!? Они с трёх лет в седле, привычные, дьяволы кривоногие. И, даже, мороз им нипочём!

Все эти засады, неожиданные налёты с той и другой стороны нас здорово задерживали, пока Уба не организовал последнюю засаду. Он послал семерых своих воинов заманить чонос в овраг, который он приметил накануне. И им это удалось. Чонос устроили погоню за семёркой отважных. Те летели отстреливаясь. А сверху, на краю оврага, чонос ждали остальные воины Уба. Десять стрел, пущенных сверху, сбила десять всадников с седел. И, даже, одиннадцатая, пущенная Кином, поразила вражескую лошадь. Потом ещё

²⁰ Императору.

²¹ Интендант, снабженец.

вылетели одиннадцать стрел, и ещё десять всадников упало, и один был ранен. Чонос бросились бежать. Им вдогонку полетели стрелы. Это была безоговорочная победа. Большие они нас не беспокоили. Зря Уба утверждал, что с пятью десятками врагов не справиться. Справился же!

Вдали показались горы. За ними Чжунду – Срединная столица Поднебесной. Ещё немного и мы у цели!

XIII

Мы ехали цепочкой, втягивались в долину меж гор, чтобы знакомой дорогой попасть в Чжунду. И это была ошибка. Там нас ждали. За поворотом стояли монгольские всадники, преграждая нам дорогу. Сзади появились ещё воины. Отступить стало некуда. Уба построил своих воинов в круг, что бы они могли скакать по кругу и отстреливаться. Я слышал о таком приёме кочевников, и вот теперь увидел. Мы, я, Кин и Уба остались в середине круга.

От впереди стоящих всадников, отделились три воина. Они ехали к нам с поднятой вверх правой рукой, в знак того, чтобы мы не начали стрелять. Два всадника остановились, а один поехал дальше. Это был Гэнду.

– Приветствую тебя, Увар-нойон! Не надо было тебе от меня бежать! Всё равно попался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.